

Александра Гринберг
Анна Змеевская

18+

The illustration depicts a woman with long, dark hair, wearing a black top, playing a violin. She has intricate tattoos on her arms, featuring a teal and red design. The violin is adorned with a string of red butterflies. The background is a dark, starry blue with silhouettes of thorny branches and several red butterflies in flight. The overall mood is dark and ethereal.

САМОЕ ЧЁРНОЕ
СЕРДЦЕ

Анна Змеевская
Александра Гринберг
Самое чёрное сердце
Серия «Дети Хаоса», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57498319

SelfPub; 2020

Аннотация

Никогда не принимай даров от сидхе! Румяное яблоко непременно будет отравленным, красивое колечко наградит жутким проклятьем, а прелестное дитя фей вместо крылышек отрастит острые зубы. Ну да, прелестной я сроду не была, зато зубищи всем на зависть. И о злобной, алчной натуре вороватых феек я не понаслышке знаю. Потому и убиваю их без всякой жалости... А, нет, не убиваю. Трудновато прятать трупы, когда новый шеф дышит тебе в затылок. Буквально. И клыки у него, кстати, побольше твоих будут.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	49
Глава 4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Александра Гринберг, Анна Змеевская Самое чёрное сердце

Глава 1

Самые паршивые вызовы прилетают под конец дежурства. Всегда. Железное, чтоб его, правило. И вот даже в голосе диспетчера неизменно читается обречённое такое: «Прости, милая, я всего лишь озвучил неизбежное!»

А ты такая: «Да не, всё нормально, бро, уже лечу!» – но в уме снова прикидываешь, не пора ли наконец сменить работу.

Не то чтобы мне больше некуда податься. Когда-то я думала связать свою жизнь с музыкой... И из Магистерии до сих пор каждый год шлют приглашения – окажите нам, мол, такую-сякую честь и тащите свой дивный зад в Нью-Аркадиан, а то мы тут помираем без расширенного курса фейрилогии.

– Сидхе, – пробурчала я, выжав педаль тормоза. – Сидхе...

Не любят бессмертные твари из Сиды этого новомодного словечка – «фейри». Негативная коннотация. Жалкая по-

пытка людей высмеять то, что пугает их пуще всякого вампира или оборотня. Не любят... И эта неприязнь у меня в крови, как бы ни пыталась я откреститься от такого со всех сторон паршивого родства. Скольких бы *фейри* я ни убила.

Ехать пришлось аж в Ривас-Валли – минут сорок от центра на хорошем ходу. Глухомань ещё та, но чистенькая, прилизанная. Благопристойная, вот. Домишко, у которого я припарковалась, и вовсе смахивает на декорацию к какой-нибудь пропагандистской фигне про традиционные ценности. Однако даже из машины я слышала отчаянный плач женщины, тихую ругань мужчины и тоненький скулёрж младенца. И вот совсем не хотела выходить на улицу. А что, имею право! От холодов в Алькасааре, конечно, одно название, но когда твоя обычная температура – ровно тридцать шесть градусов по Андресу, то тепла много не бывает, так что...

Ладно, Киро, соберись. Ты не сможешь откладывать это до бесконечности. И работу сменить тоже не сможешь.

Пока я брела к увитому плющом крылечку, мужчина успел выйти из дома и закурить.

– Классная тачка, – протянул он. – Неплохо у нас охотничкам платят, а?

Я с сомнением покосилась на свою чернильно-синюю «Долору». Ну да, гибридка, чтоб и красиво, и мощно, – не самое дешёвое удовольствие, но до представительского класса далековато будет. Примерно как отсюда до Греймора, угу.

– Могли бы и побольше, – пробормотала в итоге. И чисто для проформы посверкала значком. – Маршал Кирос Хаттари, паранормальный отдел. Мой годовой оклад можем обсудить после того, как я составлю протокол происшествия. Сэр.

Мужик хмыкнул, недоверчиво дёрнул рыжеватой бровью – какая, мол, из тебя Кирос, да ещё и Хаттари? Обычная реакция, давно привыкла. Вэйданские женщины – миниатюрные, тоненькие, с гладкими чёрными волосами и характерным лисьим разрезом глаз. Я же с виду обычная кальтская девица. Ну, алькасарская, если по-столичному. Ростом чуть выше среднего, белокожая, голубоглазая. Не рыжая, правда, но рыжих тут ещё после южной экспансии изрядно поубавилось.

Майкл Кинни – так, если верить диспетчеру, зовут любителя классных тачек и бестактных замечаний, – как раз из этой породы. Рыжий. И неприятный до жути, но это с его мастью никак не связано. Просто бывают такие люди, при одном взгляде на которых понятно – скользкий тип.

Докурив, он неохотно впустил меня в дом и отвёл в гостиную, где хорошенькая, но жутко зарёванная светловолосая девушка баюкала ребёнка, укутанного в вырвиглазное оранжевое покрывальце.

– Брось ты эту гнусь, идиотка, – буркнул Кинни, подарив младенцу неприязненный взгляд. – Всё равно ж не затыкается. Вы, бабы, любую погань норовите на груди пригреть!..

– Спокойно, мистер, – вмешалась я, видя, что девушка готова залить слезами без того хнычущего младенца. – Это просто ребёнок. Он не виноват, что его притащили сюда.

Как не была когда-то виновата и я сама. Но моего папашу это не смущало.

– Да хрен бы на этот кулёк, но... но... дорогуша, эти долбаные феи сына моего уволокли! Вот на кой он им сдался?!

– Вариантов много, мистер Кинни, и ни один вам не понравится. Позвольте мне?

Последний вопрос был обращён к девушке. Та хлюпнула носом, но, помедлив, всё же передала мне ребёнка. Которого я приняла, увы, уже привычно.

В нашем округе похищение младенцев – рутина. Нечто сродни пьяным дракам и домашнему насилию. Потому что долбаные феи, да.

Сидхе. Сид-хе.

– Давай, бро, не шуми, тебе и так здесь не рады, – протянула я, укачивая ребёнка – симпатичного щекастого малыша с вихром светлых волосиков на макушке.

Хороший гламор. Но далеко не идеальный, раз уж чета Кинни так быстро обнаружила подмену. Я же вовсе без труда смогла разглядеть и бледно-золотую кожу, и чёрные впадины глаз, и крошечные, едва прорезавшиеся рожки надо лбом, почти у самой линии роста волос.

Наполовину Летний и наполовину Зимний. *Алриг*. Третий за последние два месяца. Гламор наложен одной и той же

рукой – твёрдой, но небрежной.

Тихонько напевая на *сидднахе*, я дождалась, пока подмешу уснёт, и вернула его девушке – та тоже притихла, наблюдая за мной чуть любопытно и даже с толикой уважения.

– Уложите его, миз Кинни, а я пока побеседую с вашим супругом.

– Какой сервис, – хмыкнул тот самый супруг, едва я обернулась к нему. – Так ты коп или нянька?

Тьма меня сожри, и как такая милая девочка могла запасть на этого типа? Не иначе контрацепция подвела. Понимаю, у него похитили ребёнка, тут не до хороших манер, но... что-то он не выглядит особо убитым горем. Не удивлюсь, если уже мысленно заделывает нового сынишку.

Я улыбнулась, демонстрируя мистеру Мудаку четыре пары клыков и заставляя его нервно дёрнуться на месте.

– Для вас я маршал Хаттари. Теперь можем мы наконец перейти к делу?

Кинни после моей маленькой демонстрации заметно приосмирел. Вот только доверия у меня к нему не прибавилось, скорее даже наоборот. Автомеханик, значит? Вышел с работы в шесть, потащился с друзьями в «Мэлоун» и... И что же ты позабыл в «Мэлоуне», дружочек? Место, прямо скажем, не для работяг с женой и маленьким ребёнком. Как и любой вампирский гадюшник.

Если только ты там не на правах закуски.

Машинально принюхалась. Сладкий аромат с нотками со-

ли и железа тут же ввинтился в ноздри, навевая идиллические мечты о стейках слабой прожарки. Кинни кому-то давал кровь, это точно. Слюна вампиров содержит коагулянт, и если проколы до сих пор не закрылись – значит, куснули совсем недавно.

Ладно, само по себе это ничего не даёт. А вот стрёмное поведение безутешного (нет) папаши подкинуло уйму пищи для раздумий. Надо бы выходным вечерком прошвырнуться до этой его вампирятни...

Разговор с Мирандой Кинни только укрепил мои подозрения.

– Майкл никогда особо не рвался проводить время со Стиви, – негромко произнесла она, покосившись на дверь детской. Её глаза, сильно покрасневшие и опухшие от долгого плача, снова повлажнели. – Он не был готов стать отцом, да особо и не рвался. Женился на мне, потому что его родители настояли. Я решила дать ему время и не навязываться, но... Теперь мне кажется, его вообще не волнует, что наш сын пропал. Как будто... будто он ждал такого поворота событий.

– Хотела бы я вас разубедить, миз, – со вздохом отозвалась я, подойдя к детской кроватке и взглянув на тихо сопящего подмышка. – Всё же не стоит делать поспешных выводов: люди по-разному ведут себя в стрессовых ситуациях.

Говорю и сама себе не верю. Мысли потянулись прочь отсюда, к старому вычурному зданию Железного Чертога. Ту-

да, где маленький Рэн наверняка давно уснул, так и не дождавшись меня, дурищу.

Нет, Миранда права. Пропади мой ребенок у меня из-под носа – и весь грёбаный Запад уже искал бы пятый угол.

– Вы ведь найдёте моего Стиви, маршал Хаттари? – спросила Миранда охрипшим, но полным надежды голосом. – Говорят, вы одна из... вы единственная, кто это может... Прошу, спасите моего малыша от этих монстров!

Мне бы впору обидеться, ведь я сама человек лишь наполовину. Но она права. Сидхе – монстры. Чванливые психопаты, самозванные боги древнего мира. Они бы давным-давно перебили и сожрали всех нас, если бы Железный Закон не сковал их по рукам и ногам.

– Клянусь вам, я сделаю всё возможное, чтобы Стиви вернулся домой.

Миранда кивнула и, утерев глаза, склонилась над спящим ребёнком.

– Мне... наверное, мне стоит дать ему имя? – уточнила она неуверенно. – Не могу же я звать его Стивом, он не... он другой.

О, Тьма. Она реально хочет его оставить.

– Миз, это ребёнок с особенностями. Возможно, лучше будет отдать его в Железный Чертог и...

– Не забирайте его! – взмолилась Миранда, резко повернувшись ко мне и снова залившись слезами. – Пожалуйста, маршал... мой сын пропал, похищен нелюдьми! Поймите,

этот мальчик – единственное, что не даёт мне сойти с ума!

О, милая, уж я-то понимаю. Да только он не всегда будет милым кулёчком и ещё сведёт тебя с ума, когда вырастет в социально неловкого полуночника с пагубной тягой к чёрной волшбе и воровству всего подряд. Мне ли не знать? Я сама такая.

Ну да не факт, что добрая душа Миранда Кинни не откажется от мелкого пакостника уже через неделю. Хотя... моя мама не отказалась. Но таких, как она, единицы.

Как бы то ни было, у нас на Западе по сей день действует замшелый Статут о подмене – если заполучил на свою голову крошку-фейри, можешь оформить над ним временную опеку чуть не в тот же день. А вот если решила усыновить из приюта – получи-ка хрен за воротник, Киро-чин. Слишком молодая, слишком не замужем, слишком много работаешь и вообще рогами не вышла.

Ладно, не обо мне сейчас речь.

Кинни, узнав, что подменыш никуда не съедет (возможно, даже лет до восемнадцати), пришёл в бешенство.

– Мы так не договаривались, дорогуша! – рявкнул он, от злости побурев чуть не в тон своих рыжих лохм. – Забирай-ка отсюда фейский подарочек! Я с этой поганью в одном доме не останусь, ясно?!

– Тебя никто здесь и не держит, Майкл, – отбрила его жена, внезапно показав, у кого в этом семействе на самом деле есть яйца. – Ребёнок не виноват в случившемся. Просто иг-

норируй его; с нашим сыном у тебя это хорошо получалось.

– Это тебе не игрушечный пупсик, долбанутая ты баба! Избавься от сидского отродья. А если нет, так я придушу гадёныша, пока спит...

Он заскулил как побитая псина, когда я сгребла его за грудки измятой рубахи и с силой впечатала спиной в дверь.

– Только попытайся выкинуть что-то подобное, *человек*, – выдохнула я, ласково улыбнувшись. – Подыхать будешь неделю, никак не меньше.

– Ты... ты же к-коп! – проблеял Кинни почти жалобно.

– Не-а. Не та контора, приятель. И даже если я не намотаю твои кишки на ближайшее деревце, за сидское отродье ты присядешь как за обычного младенчика. Имей в виду.

Он вроде проникся. Хотя можно было ничего и не говорить: парень наверняка чуть не обделался, стоило ему во всей красе узреть четыре пары клыков и глаза сидхе. Два жутких чёрных провала, а вместо радужек – яркие пурпурные искры. Та ещё крипота; я сама, как впервые увидела их в зеркале, далеко не сразу привыкла.

К Миранде я повернулась в обычном своём виде, голубоглазом и вполне безобидном.

– Возьмите, миз, – протянула ей одну из визиток, что причулась носить во внутреннем кармане куртки. – Вас скоро навестит соцработник при Железном Чертоге, но если что-то понадобится – звоните. В любое время. И я приду.

Последние слова произнесла с нажимом. Чтобы мистер

Мудак точно понял: они предназначены именно для его ушей.

Я уже ехала по проспекту Стил-Роуд, соединяющему округа Перл и Айрон, когда в кармане завибрировал комм. Вот даже на экран смотреть не буду. Просто приму вызов, нажав кнопку на гарнитуре. Да, я за безопасное вождение.

– Киро, – только и было сказано мне.

Алека я знаю вот уж шестнадцать лет как. Достаточный срок, чтобы в одном слове с лёгкостью услышать: «Хаос всемилостивый, как же ты мне надоела!» В ответ лишь кротко и смиренно осведомилась:

– И где ж я провинилась?

– А сама как думаешь?

– Каюсь, каюсь, Алек-чин, – со вздохом сунула в карман свободную от руля руку и нащупала там очередной трофей. – Погремушку свистнула. Надеюсь, у пацана она была не самая любимая.

Клептомания вообще-то поддаётся лечению. У людей. Но я наполовину сидхе, а у них воровство – безусловный рефлекс. Кошки приземляются на четыре лапы, а сидхе тырят всё, что только приглянется. Я, правда, приучилась тащить всякое барахло – конфеты, канцелярку... Проколы случаются, однако в большинстве случаев я успеваю опомниться и вернуть честно сворованное.

– А, то есть угрожать расправой его папаше – это за про-

ступок не считается? Киро, копы так не делают!

– Ну вот и хорошо, что мы не копы, – огрызнулась я. Пальцы судорожно стиснули руль, на тыльной стороне кисти расцвёл ярко-алый цветок в обрамлении сочно-зелёных листьев. Да, я для окружающих не просто открытая книга, а ещё и с картинками. – А ты – не моя мамочка, Алек.

– Я твой босс!

– Временно исполняешь его обязанности, маршал барсик. Какое-то время мы оба молчали. Я мысленно переругивалась со своей татуировкой (да, страшно весела моя жизнь), чтоб убралась обратно под одежду, и прямо наяву видела, как сердито мой друг щурит свои зеленущие глаза.

– Что у вас там произошло? – наконец спросил он.

– Сказал, задушит ребёнка, пока тот спит, – поведала с нарочитым безразличием. – Знаешь, это моё самое первое воспоминание: отец душит меня в кроватке и всё твердит – сдохни, нелюдь, сдохни уже...

А вот теперь Алек реально разозлился – это его злобное кошачье шипение я слишком хорошо знаю.

– Киро, я ведь давно просил шефа, чтобы тебе запретили вести дела о подмене...

– Пока что я единственная, кто для этой работы годится. Такие дела, бро.

Поспорить он с этим не может. И кто бы смог? С огнём типа нужно бороться огнём, клин клином вышибают, ну и прочее в том же духе.

– Чего не спишь? – спросила просто чтобы сменить тему.

– Ложился уже, когда прилетела жалоба от безутешного папеньки. Веселая штука эта форма обратной связи. Ты до- мой?

– Ага. Только загляну в Чертог.

– Тогда привет котёночку, погладь его там за меня.

Алек поначалу скептически относился к моей идее усыновить Рэна: куда ты, мол, полезла, если тебе в твой тридцатник самой нужен папочка построже? Я не обижалась, потому что, в общем-то, он был прав. Не представляю себя степенной матерью семейства, и мой лофт на порядок милее скучного гражданского дома за белым штакетником. Но маленький сварливый крыжовничек умыкнул моё чёрное сидское сердце в первую же нашу встречу. Странное такое чувство возникло – как будто он мой. Не по крови (хотя не исключаю, в истинном обличье мы похожи), просто... Просто он *мой*, какие ещё нужны объяснения?

Что самое забавное, не только я это поняла. Поначалу беспокоилась, что другие дети в приюте начнут ревновать – их тут не так много, и раньше я всем уделяла поровну внимания. Но они только плечами пожимали, озвучивая то, что давно уже стало для меня очевидным.

Рэн – мой.

Жаль только, мудаки из службы опеки явно другого мнения.

– Ох, Киро, как хорошо, что ты здесь! – Адора вылетела

мне навстречу, едва я занесла руку, чтобы постучать в заднюю дверь. – Наш крыжовник сегодня кислющий. Зубы, что ли, режутся?..

– До сих пор не спит? – нахмурилась я, ступив в тускло освещённый холл, узкий и длинный, с несуразно высокими сводчатыми потолками. – Седьмой час уже, давно пора.

– Ждал мамочку, не иначе. Тебя-то откуда принесло в такую рань?

– С Риваса, – помрачнев, ответила я. – Опять подменыш.

– И?

– Девчонка вроде хочет его оставить. Кажется искренней, но по ходу сама не так уж давно из пелёнок выбралась.

Она сбилась с шага, но не остановилась, только хмыкнула чуть едко – мол, ну-ну, посмотрим. В такие моменты особенно ясно понимаю, как мне всё же повезло. Я не росла в приюте, как Адора и многие другие подменыши. Да, отец меня ненавидел и боялся, зато его жена приняла и воспитала как родную. Даже если поначалу это была попытка заменить потерянную дочь, мне не на что жаловаться – ни с мамой, ни с её родственниками я ни разу не почувствовала себя ненужной или нелюбимой.

Чужой разве только. Неправильной. Не такой, как надо. Но тут некого винить – это просто в моей крови.

Подменьшей нечасто принимают их новые семьи. Это сейчас республиканские власти почуяли выгоду и развели бурную деятельность, интегрируя сидских детишек в чело-

вечьи семьи – ведь у фейских полукровок, помимо дурацких рожек и острых ушей, также имеется прорва магической силы. А раньше был только Статут о подмене. Если семья отказывалась от подменыша, он получал фамилию Ферра и оставался в Железном Чертоге до самого совершеннолетия.

Да и после совершеннолетия тоже мало кто уходил. Адора, например, получила образование спецпедагога и вернулась приглядывать за детишками. И многие здешние воспитанники возвращаются. Другой семьи у них нет, а как создать её с кем-то *нормальным* – они не знают. Их никто не учил.

Рэн к моему приходу явно даже не пытался уснуть. Сидел в своей кровати, вцепившись в прутья, точно заключённый за решёткой, и тихонько хныкал. И всем видом давал понять, что он самый несчастный крыжовничек на свете. У него, кстати, прекрасно вышло: я вмиг ощутила себя сволочью и предательницей.

– Ну чего сырость развёл? Иди сюда, – со вздохом вытащила его из кровати, любовно прижала к себе. – Скучал по мамочке? Уж надеюсь, я-то по тебе – даже слишком!

– Ма! – согласно пробубнил Рэн, хлопнул меня по щеке крохотной ладошкой. Его несносно красивые глаза – зелёные-зелёные, как спелый крыжовник, и с длиннющими черными ресницами, – ярко вспыхнули золотом. Бледная кожа на краткий миг тоже окрасилась нежной зеленью; в волосах мелькнули рожки, пока ещё до нелепого короткие и тол-

стенские.

Да, рано он свою сущность почувствовал. Сильным чародеем вырастет, это точно.

– Кто всю ночь терроризировал Адди, мелкий ты пакостник?

– Ди-и!

Он радостно помахал кулаком в сторону Адоры. Та, улыбаясь, махнула ему в ответ.

– Видят боги, Киро, это твой родной сынок, – фыркнула она, когда Рэн с восторженным воркованием свистнул у меня из кармана ключи и принялся ими греметь. – Такой же обаятельный ворюга и любитель груш. Сегодня умял половинку, а пока мы все отвернулись, попытался стащить у Софи ещё ломтик.

– Софи, конечно же, не спустила такой наглости?

– Залепила ему в лоб полной ложкой джема.

– Моё уважение, – усмехнулась я, устроив мелкого поудобнее. – Что, крыжовничек, завёл себе подружку, пока меня не было? Может, подождёшь с этой затеей ещё лет пятнадцать?

Рэн счастливо улыбнулся во весь рот, демонстрируя два крохотных белых клычка. Ещё по одному пробилось рядом, и в нижней десне, кажется, тоже скоро вылезут обе пары.

Ох, блин. Я, конечно, нечто такое могла предположить и раньше, но сюрприз всё равно не самый приятный. Даже у ребёнка-сидхе клыки не должны пробиваться раньше рез-

цов.

– Лиам его вчера смотрел?

Адора нервно принялась накручивать на палец кончик толстой белокурой косы, и я как-то сразу поняла: услышанное меня не сильно порадует.

– Анализы стабильно показывают анемию, пульс и температура уползают всё ниже к границе нормы. А ещё у него скоро будет полный набор клыков, если ты вдруг не замети-ла. Мы и дальше будем это игнорировать?

– Нет, Адди, мы не будем, – заверила я чуть зло, отобрала у Рэна ключи и, пока тот не заревел, шустро подмахнула ворованную погремушку. Не ахти какой дар, но солидная порция моей тёмной силы делает его на порядок привлекательнее. – Мы просто не можем. Даже наш дурень Лиам скоро сообразит, в чём дело!

– Нам нужен другой врач.

Да, я в курсе. Узкий специалист, берущий кучу талеров в час. И хотела бы я, чтобы проблема была именно в деньгах.

– Я что-нибудь придумаю. Обещаю. Просто держи все свои домыслы при себе, ладно? Не надо нам, чтобы кто-то из немёртвой братии заинтересовался Рэном. А именно так и будет...

Адора смерила меня недобрым взглядом, явно собираясь выговорить за эгоизм, собственничество и тупость. И была бы права: здоровье малыша важнее, чем моё нежелание вовевать за опеку с возможной роднёй. Но в итоге она просто

махнула рукой и ушла прочь, оставив нас с Рэном наедине.

Я устало плюхнулась в побитое жизнью кресло, явно по-видавшее молодость моей бабули Тэруко, и крепче прижала к себе мелкого. Он тут же прильнул ко мне, неприкрыто об-радованный возвращением блудной матери. И наверняка со-всем не желающий, чтобы я снова бросала его одного в этом гиблом месте. Я и сама не хочу, но вот беда – когда ты не го-дишься в мамаша года ни по одному пункту помимо годово-го оклада, получить опеку ужасно трудно. Даже временную. Даже над ребёнком-нечистью.

Даже без легиона клыкастых родственничков в перспек-тиве.

– Не бойся, *Риан Гри*, – пробормотала я, проведя рукой по волосам Рэна, таким восхитительно мягоньким и буйно вьющимся. Поначалу они были светло-каштановые, а теперь скорее тёмно-русые, как мои. Сдаётся мне, позже станут чёр-ные как смоль. – Не бойся, всё будет хорошо.

Он что-то залепетал, снова засиял улыбкой и потянулся ручонкой к моей ключице – краем глаза я заметила, как пенятся под кожей зачарованные чернила, прежде чем лечь привычным узором. Очередным цветком олеандра. Или че-шуйчатой лапой ленточного дракона. Да, татушка у меня вздорная и долбанутая, мне под стать...

«Не бойся»? Ха, мамочка, ты тут единственная, кто тря-сётся как заячий хвост.

– Я тебя никому не отдам, – заявила решительно, почти

зло. – Никому. Ни вампирюге, ни сидским ублюдкам, ни другому какому клыкастому мудаку... А, Тьма, обещала же при тебе не ругаться! Мать года, блин. Не сдавай меня Адди, и я дам тебе взятку грушей! У нас есть сделка? – Рэн ласково ухнул что-то в ответ. Будем считать, что согласился. – Замётано, крыжовничек.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем Рэн начал клевать носом и наконец-то отрубился у меня на груди. Укутала его сразу в два одеяльца, зачаровала побольше игрушек – чтобы создать иллюзию своего присутствия где-то рядом, с маленькими детишками этот трюк неизменно срабатывает. И затем едва не силком выволокла себя на улицу, во влажную прохладу поздней осени.

Не время мотать сопли на кулак, Киро-чин. Надо хоть немного поспать, прежде чем идти причинять добро и счастье своему родному городу.

Живу я здесь же, в Айрон Дистрикт – всего пятнадцать минут до штаба охотников, а до Чертога и того меньше. Район близко к центру, но не самый элитный: мой квартал вот раньше был сплошь промзоной, теперь немного облагородился и обзавёлся миленьким маленьким парком с видом на реку Эмрод. Место это мне всегда нравилось, и когда подвернулась возможность купить здесь жильё, да ещё и за бесценок, я не колебалась ни минуты.

Правда, «жильё» мне досталось далеко не в идеальном состоянии – шутка ли, вторую сотню лет разменять? Прежде

здесь была небольшая швейная мастерская... ну как прежде, лет двадцать назад. Ремонта тут всё не просило даже, а громко требовало. Кучу денег и времени угрохала, но не пожалела ни разу. Зато никаких долбанутых соседей, и места навалом. И отличный вид на реку, особенно на закате. И акустика хорошая. Это важно! Музыкантша во мне давно сдохла и воняет, но всё-таки никуда не делась.

Наконец я заехала в гараж и собралась было подняться наверх, в своё личное царство еды и сна, к легиону разномастных кактусов и вороху нотных тетрадей. Мысленно уже представляла, какие непотребства буду творить с холодильником, а затем с подушкой и одеялом. Но не тут-то было: в дверь кто-то робко поскрёбся.

И кого, скажите на милость, могло принести сюда в такую рань?

Как оказалось, парнишку-курьера. Который тоже явственно охренел с времени и места. Едва я увидела букет в его руках, сразу захотелось этим шедевром флористики кое-кого отделать. Во-первых, терпеть не могу мёртвые цветы. Во-вторых... нет, серьёзно? Опять?! Что за срань творится в прилизанной башке моего бывшего, скажите на милость, а?

Отсыпала курьеру чаевых и отправила восвояси, а сама хмуро уставилась на букет. Невольно ухмыльнулась – Виктор превзошёл сам себя. Огненно-красные амариллисы сорта Гвар Брэйт. Самые редкие и ядовитые. А в придачу вот тебе карточка с пафосной цитаткой – не то из «Алой книги»,

не то из ещё какого сборника сидских сказочек.

«Ибо даже в самом чёрном сердце может расцвести пламенный цветок истинной любви».

Это типа: «я мудака и не лечусь, зато люблю вас великою любовью»? Или скорее: «не говнишь и прощай уже меня прекрасного»? Зная Виктора, скорее второе.

– Какая прелесть, – протянула я негромко. – Могло бы даже сработать, хм... но нет, вообще нисколько.

Дорогуший веник улетел напрямик в мусорный бак. Я же с чувством выполненного долга отправилась навстречу судьбе. То бишь завтраку и постельке.

Мысль о том, что букет может быть не от Виктора, мне тогда даже в голову не пришла.

Глава 2

Скажи мне кто недавно, что я добровольно вернусь обратно в Алькасар – непременно посмеялся бы над тем наивным идиотом, открестился бы от такого счастья и купил бы билеты до Греймора, чтобы уж точно ни один порталом не унесло на славный Запад. Но вот он я, заново обживаюсь посреди западной столицы. В здравом уме и трезвой памяти. И даже улицу, на которой поселился, нахожу уютной: она словно вынырнула из далекого прошлого прямо между строгими бетонно-стальными коробками. Занавесочки на окнах развесёлые, с мелкими цветочками, от каких у всякого нормального человека зарядит в глазах. А уж дом мой хоть прямо сейчас лепи на открытки с городскими достопримечательностями.

Комм зазвонил неожиданно, отвлекая от меланхолического созерцания садика за окном. Ничего особенного, кусты жимолости да шиповника. Но летом наверняка красиво.

– Хорошо устроился? – раздался в трубке знакомый голос, насмешливый и чуть хриплый.

– Сносно. Любуюсь детской площадкой за окном. И у меня есть сад.

– Сад? – переспросили с наигранным удивлением. – И даже ни одной крохотной могилки? Парочки черепов на заборе? Ну хотя бы забор у тебя есть? Высокий, с острыми пиками?.. Как у твоей родной вампирятни, например?

– Нет, нет и нет. Тэйн, я думал, с шуточками про вампиров мы покончили ещё в столице.

– Так то столица, а это Алькасар! Кто знает, вдруг в тебе проснулась какая родовая память?

– Вот уж вряд ли.

Ну да, вся эта пастораль мне не подходит от слова «со-всем». Не мне думать о доме с заборчиком, газоном и палисадником. Разве что лет через триста, когда любое занятие, включая вышивание крестиком и разведение вэйданских котят, можно будет оправдать скукой. Однако ж кому-то вроде меня положено разгуливать по старой крепости с толстыми стенами, любоваться фонтанами на фоне полной луны, читать жизнеописания славных предков, клыком и магией избавляющихся от бездуховных людишек... По крайней мере, именно такой досуг моя родня сочла бы подходящим.

Нет уж, лучше котят. И домик – с занавесочками, кустами жимолости у крыльца и степенными соседями.

Я задёрнул занавеску, взял в руки пакет с кровью. Четвёртая отрицательная, редкий деликатес... но на вкус всего лишь кровь. Металл, сладость и соль.

– Спасибо за подарок. Но в следующий раз лучше без сюрпризов. Моя горничная была не в восторге, когда я открыл коробку при ней.

– Боги, Люк, только не говори, что она приняла тебя за человека! Мы, конечно, сто лет не виделись, но раньше твои клычищи не особо смахивали на проблемы с прикусом.

– Не приняла. Но я бы предпочёл сначала словами рассказать об особенностях своего рациона. Это было бы вежливо.

Я не видел, но был уверен – прямо сейчас Тэйн закатывает глаза и пытается не проворчать что-нибудь насчет моих старомодных замашек. Не иначе как чудом удержался.

Снова приложился к пакету, поморщился – даже в четвёртой отрицательной мало вкусно, если она из холодильника. Хорошо, что я вампир только наполовину и вполне доволен человеческой пищей. Но поискать подходящий клуб всё же стоит. И желательно, чтобы он не принадлежал моей драгоценной (да ни капли) родне.

– К слову о вежливости, – протянул Тэйн, – тебя ждать в гости? У меня завалилась бутылка отличного лэхгарского виски. И пара сплетен об Асторнах. Интересует?

– Возможно.

Ну конечно же, интересуется. Отнюдь не из беспокойства об этой семейке. Но знать, какой гадости от них ждать – а гадость обязательно будет, свои клыки ставлю, – я обязан.

Пока терпит. Будь что-то действительно срочное, Тэйн бы уже в красках расписал, что натворила моя родня и как этой информацией лучше распорядиться.

Всё же хорошо иметь своих людей... да везде. Истина, которую я накрепко усвоил, спасибо Греймору и всем Тамри-там разом.

– Я загляну на днях. Вот только выясню, сколько головной боли мне оставил прежний главный ликвидатор. Не спейся

там без меня.

– Не обещаю, – поспешил расстроить Тэйн. – Вздумаешь сожрать какого-нибудь спиногрыза – всажу кол в сердце

Вроде и шуточка, а всё же сомневаться в угрозе не приходится. Не факт, что Тэйн справится, да и возьмёт не бесполезный осиновый кол, а скорее пистолет, но... В общем, хорошо, что никаких спиногрызов я «жрать» не планирую. Не моя тема. Я бы и без крови обошёл, если бы мог. Достойной того, чтобы совать в рот, поди отыщи, а вот всякого суррогата в достатке. Не так уж хорошо быть вампиром, если подумать.

Стрелка на часах отстукивала три пополудни – время позднее для человека, но не для ночной твари, – когда я вышел из дома. Даже солнце ещё проглядывает, что поздней западной осенью можно считать чуть ли не праздничным событием, достойным упоминаний в летописях. Не зря эти земли так по душе вампирам. Нет, вопреки всяким глупостям из книжек и фильмов, на солнце мы не горим, не сверкаем и при желании можем даже чуть загореть. Но не любим, факт. По глазам бьёт уж очень сильно.

Я успел забыть, какой здесь воздух. Не морозно-искрящийся, как в Грейморе. Не насыщенный запахами бензина и людских тел, как в Аркади. Влажный из-за двух крупных и несчетного количества мелких рек, по берегам которых расположился Алькасар, пахнувший болотами, когда ветер дует с северо-запада, и лесом, когда с юго-запада. Пропитанный

магией из-за близкого соседства с Сидом. Чужой, тёмной, но знакомой всякому, у кого в официальных богинях ходит Тёмная Мать.

Всё же вампиры – жуткие ретрограды и консерваторы. Тянутся к тому, чем жили, будучи людьми. Отсюда все эти шуточки про жабо и бархатные сюртуки, которые зачастую во-все даже не шуточки. Я, конечно, ни одну из этих раритетных тряпок не напялил бы, но знаю тех, кто напяливает. И даже не выглядит при этом как беглый актёр из местечкового театра.

Каждый раз смешно, стоит представить себя в одном из тех нарядов, что так любит Александр Тамрит. Отрастить приличные кудри, на пояс вместо кобуры нацепить шпагу, и пожалуйста – типичный аристократ из позапрошлого века. А если найти коня, согласного без оглушительного ржания стоять рядом с такой расписной красотой, – можно запросто продавать ротозеям-туристам фотографии с собой прекрасным. Эх, не ту я профессию выбрал...

Мы, нечисть, не сильно любим прогулки и людей – слишком много запахов вокруг, что отвлекает, будит охотничьи инстинкты. Но хотелось. Просто пройтись, ощутить дух города. Тем более что солнце предпочло спрятаться, да и до работы отсюда совсем недалеко – всего то пройти через Площадь пяти улиц, если мне не изменяет память.

Дурацкое название. Да и улиц, выходящих к площади, всегда было четыре. Но красиво. И шумно. То тут, то там

к прохожим цепляется очередной попрошайка; бегают дети, явно уставшие от своих родителей, решивших, что прогулка куда полезнее сидения за персоналкой. И музыканты, куда без них. Серьёзно, не припомню ни одного города, где не нашлось бы этих, хм, представителей современного искусства. Разве что в Моэргрине, но там большую часть года проще примёрзнуть пальцами к лютне, чем на ней сыграть.

Кстати, всегда было интересно, откуда бы у нищего уличного музыканта взяться недешёвому инструменту. Своровал? Достался по наследству? Но вместо того, чтобы продать коллекционеру и купить себе пожрать (а порой и сразу дом, коллекционеры – люди странные), пойду-ка бренчать на площади за два талера?

К примеру, вон та девчонка со скрипкой. Уж я-то знаю, сколько стоит хотя бы ученическая – неуважаемый дядюшка Винсент в детстве пытался сдать меня в музыкальный класс. Увы и ах, кривизна моих рук оказалась обратно пропорциональна его желанию сделать из меня скрипача.

Однако даже моих скудных познаний достаточно, чтобы оценить игру. «Бури Авалона» на Западе только глухой не слышал, да как и во всей республике – это известная композиция. И невероятно сложная. Virtuозная. Какой уличный бродяжка сумеет вот так запросто выдавать сложные флажолеты, перемежая их стремительными пассажами? А девица ещё и кривляться успевает, расточая поклоны и ухмылочки так усердно, словно ей за это отдельно приплачивают.

А может, и приплачивают. Невольно покосился на открытый футляр, полный банкнот разного достоинства, – и снова понял, что выбрал не ту профессию.

Сам не знаю, сколько я торчал как дурак посреди площади, глядя на странную скрипачку. И слушая тоже, но... признаюсь, засмотрелся. С такой страстью на лице она играла, так управлялась со своей скрипкой, ловко бегая пальцами по грифу и перебирая струны. Впору вязать пройдоху на двое суток за непристойное поведение.

Или не только за него. Воздух вокруг звенит струнами волшебства – и тьма внутри меня отзывается, вторя их музыке. Той самой, слышной только тёмным тварям.

Что это за хрень? Девица зашибает денежки на чёрной магии? Не удивлюсь, конечно – собрала она, навскидку, чуть ли не треть моего месячного оклада. Но вот ведь загвоздка: умея творить чары такой силы, ты не станешь развлекать зевак на площади.

Не понимаю, что происходит. Но разберусь непременно.

Наконец, к недовольству нехилой толпы, собравшейся вокруг, скрипачка закончила играть и неспешно раскланялась. Аплодисменты ей дали прямо-таки громовые, и я к ним неохотно присоединился. Просто чтобы не вызывать подозрений.

Возможно, вышло у меня плохо: девчонка безошибочно отыскала меня в толпе и подмигнула на прощание. Выразительно так, чуть ли не похабно.

Будь я лет на тридцать помладше – наверное, даже смутился бы.

Увы для неё, улыбочек от всяких прощелыг я навидался предостаточно. Как и приёмчиков по уходу от преследования.

Вот сейчас она непременно натянет на голову капюшон толстовки. Чуть сторбится, чтобы скрыться среди прочих гуляк. Направится к метро, ведь если преследователь отстанет хотя бы на десяток человек, можно успеть прыгнуть в вагон подальше и выйти на следующей станции, пересесть на поезд в обратную сторону, а потом...

Прости, девочка, но не с твоей магией пытаться скрыться от вампира. Тем более от вампира, который когда-то семь лет просидел в патруле, прежде чем его повысили до детектива. Стандартная участь любого кровопийцы, сдуру выбравшего службу государству.

Справедливости ради, девица оказалась вовсе даже не глупа. Ну или имела некоторый опыт ухода от слежки. Разок свернула в книжный, ненадолго исчезла из виду, скрывшись за стеллажами, вышла через задний двор, чтобы...

...выпить кофе?

Хм, а я ведь с этой незапланированной прогулочкой совсем забыл, зачем вышел из дома пораньше. Но заходить внутрь не стал, хотя на баристу, споро разливающую кофе по ярко-оранжевым бумажным стаканчикам, тоскливо глянул. Завернул за угол – не сомневаюсь, что и тут найдётся запас-

ной выход, через который моя уголовница (а я даже к работе толком не приступил!) непременно решит скрыться.

Самоуверенность меня и сгубила. Скрипачка не попыталась улизнуть через заднюю дверь, напротив – вырулила из-за угла и радостно ухмыльнулась при виде меня.

– Зачем ты тут спрятался? – изумилась она с видом эдакой дурочки-простушки и протянула мне стакан. – Держи, красавчик. Чёрный, как твоя душа.

Сам не знаю почему, но стаканчик я послушно взял. Мимоходом отметил, что у неё ухоженные руки, каких не бывает у уличных бродяг. Сильные, явно видевшие не только скрипку. Не бродяга, не нищенка и... ни разу не скрипачка. Но что пройдоха – неоспоримо.

На матовом боку стаканчика ровным каллиграфическим почерком – всесторонне образованные бродяжки нынче пошли! – был выведен номер телефона. А снизу красовалась затейливая подпись.

– *Мор?* Серьёзно? – протянул я скептически. – Это такой творческий псевдоним, да?

– Это имя, – возразила скрипачка, отхлебнула из своего стаканчика, медленно облизнула пухлые губы. До меня донёсся сладкий аромат карамели и сливок. – Одно из них, по крайней мере. У меня много имён, *человек*.

Меня за все мои шестьдесят лет как только ни обзывали – но человеком, пожалуй, впервые. Смахивает на провокацию. Судя по тому, как вскинула брови девчонка, я сейчас должен

возмутиться и как на духу выложить, кто я такой на самом деле.

Занятная она. Очень красивая, особенно как для уличной артистки. Не слишком высокая, макушкой едва достаёт мне до плеча; изящная, но не настолько тонкая и звонкая, чтобы возникло желание непременно накормить и укутать в плед. Или это просто мне по вкусу брюнетки с голубыми глазами? О, определённо. Особенно когда они ведут себя, выглядят и... пахнут настолько интересно.

Но куда интереснее будет узнать, кто она такая. *Что* она такое.

Не то чтобы я совсем не догадываюсь.

– Человек из меня примерно такой же, как из тебя... Ки-ро.

Она поражённо замерла, потом глянула на свой стакан, подписанный не обычной аркадийской буквицей, но двумя затейливыми иероглифами. И тут же радостно улыбнулась во весь рот.

– Знаешь *вэйди́нь*? Чувак! Моя мама будет от тебя в восторге!

Я много чего знаю. Бессмертие – занятная штука, даже если тебе не так уж много лет. Можно тратить время на всякие глупости – от изучения языков, которые с огромным шансом не пригодятся тебе никогда в жизни, до акварельной живописи. Да, такой грешок за мной тоже имеется. Хотя художник из меня разве что немногим лучше, чем музыкант.

– Собираешься познакомить меня с мамой? – поинтересовался с наигранным удивлением. – Может, сразу в бюро регистраций? Как раз недалеко от Инквизиции, куда тебе стоит прогуляться за использование чёрной магии.

– Притуши, женишок, меня в Инквизиции каждая собака знает, – заявила Киро, откинув со лба тёмные непослушные волосы – несколько прядей выбилось из небрежного пучка на затылке, красиво оттенив бледную кожу и большие лучистые глаза. Надо же, акцент восточный, а внешность типично западная... Забавно. *Интересно*. – Я ничего плохого не делаю, просто развлекаюсь.

– Вымогая деньги у зевак?

Она залилась на редкость заразительным смехом, и я понял, что до этого мне не показалось: во рту у неправильной бродяжки красуются все четыре пары клыков. Очень похожи на вампирские, но короче. И мощнее. Самое то, чтобы отрывать куски сырого мяса прямо с кости.

– К чему мне их деньги? Спасибо, моей зарплаты более чем достаточно. А несметные богатства зевак все уйдут детишкам в Железный Чертог. В приюте лишнего талера не бывает.

Железный Чертог. Ну да. Последний кусочек паззла встал на место, и я озвучил то, что должен был понять сразу:

– Ты подменыш.

– А ты разве нет? – Киро вдруг очутилась совсем близко, хищно потянула носом воздух. Ясные голубые глаза корот-

ко сверкнули, по радужкам точно пурпурная искра пробежала. – Ни фиги себе. Ошибочка вышла. Я-то думала...

Что она там думала, мне узнать не довелось: Киро глянула на часы – изящные, явно недешёвые, со странным двойным циферблатом, – и в ужасе присвистнула.

– Да чтоб тебя! Была подменышем, теперь кошачий корм... Прости, красавчик, долг зовёт и всё такое. Позвони мне!

И прежде чем я успел хоть что-то сказать или сделать, безумное создание исчезло. Просто исчезло, как в дурацком кино. Со вспышкой и негромким хлопком.

Честно скажу, вот к такому меня жизнь не готовила. Может, ну его к Тьме, этот Алькасар?

Уже потом дошло, в чём был фокус. Иллюзия, кратковременная, но действенная. Исчезла Киро у меня из-под носа не сразу, для начала просто скрылась за пресловутым сидским гламором. После чего и впрямь самым банальным образом затерялась в толпе, пока я любовался стаканчиком с кофе.

С сахаром, фу! Стакан полетел в урну.

Признаюсь, наглое «позвони» весьма интригует. Как и сама нахалка. Непозволительно красивая, непозволительно тёмная, непозволительно...

...сидхе. С которыми не стоит иметь дел, если хочешь прожить подольше и не стать главным блюдом на чьём-нибудь пиру. Так что прости, Киро-Мор, но пусть тебе звонит кто-нибудь ещё. А я предпочту пожить подольше и без лиш-

них проблем на свою бессмертную вампирскую шкуру.

Да только вампирская память бессмертна тоже. И номер обаятельной девицы в ней засел крепко-накрепко.

Какой город ни возьми, а штаб-квартиры подразделений по борьбе со сверхъестественной преступностью мало чем отличаются друг от друга. Разве что стены разные, да люди, носящиеся по коридорам. А вот шум, запах кофе и бумаг везде одинаковый. И даже сонные лохматые дежурные что в Аркади, что в Алькасаре будто бы рождены от одной матери.

– Кто? Куда? – немногословно поприветствовали меня, стоило только подойти к прикрытому стеклом пропускному пункту.

– Люциан Вернер, – представился я, сочтя, что с меня достаточно подозрительных взглядов человека. Очень подозрительных – я хоть и вампир лишь наполовину, а интересную бледность ничем не скроешь.

– От этих, что ли?

От каких именно «этих», уточнять необязательно – в Алькасаре несколько вампирских гнёзд, но наглости, чтобы заявиться к охотникам, наберётся только у одной семейки.

– К счастью, нет. Я новый главный ликвидатор округа Алькасар, – поспешил заверить я. Предъявил наконец свой значок, махнул рукой на попытку дежурного тут же вскочить по стойке смирно. – Кто может мне здесь всё показать?

– Мэри... Мэри Калверт, секретарь бывшего шефа. Но её

сегодня нет, кажется, заболела дочка... А! Алек, в смысле, маршал Сазерленд, ваш заместитель. Пригласить?

– Да, будьте любезны.

Дежурный потянулся к комму, и вскоре мне навстречу вышел высокий молодой человек лет двадцати пяти на вид. Одет с иголочки, идеально причёсан и вообще выглядит скорее как банковский служащий, чем как охотник на всякую нечисть.

И уж точно в нём не заподозрить ту самую нечисть. Но протянутая для пожатия рука почти обжигает, а до носа мигом доносится характерный запах крупного кота – сладковатый, с лёгкой ноткой мускуса, самую малость приторный. У вампиров нюх и вполтину не такой острый, как у оборотней, однако хищника от еды мы отличаем без особых трудностей.

– Доброго дня, сэр, – произнёс оборотень вежливо, с легкой долей высокомерия – мол, ты сильно не обольщайся, это я тут самый умный и красивый. Излюбленная манера поведения котов, что двуногих, что четвероногих. – Я Александр Сазерленд, ваш заместитель. Следуйте за мной.

Мы поднялись по лестнице и пересекли коридор, прежде чем выйти в большой зал, заставленный столами и стульями – типичный офис федералов, в Аркади я работал примерно в таком же. Зал заканчивается парой дверей, одна из которых и ведёт в мой кабинет. Просторный, чистый, без малейшего намека на присутствие прежнего хозяина. Если Александр и

занимал его, то к моему прибытию подготовился.

Усевшись напротив, он кратко ввёл меня в курс дел. Рассказал о текущих расследованиях, объяснил, как тут всё устроено: где найти архив, кто какое дело ведёт. Поинтересовался, желаю ли я взглянуть на личные дела сотрудников.

Желаю, и ещё как. Едва заслышав, что в штате у меня помимо Александра имеется ещё два оборотня, два вампира, два человека и один сидхе, я насторожился. Если вампиры и оборотни на службе у государства вопросов не вызывают вот уже четверть века – спасибо Изаре Крэстани, благодаря которой пошла мода на живучую нечисть в копах, – то вот сидхе... Определённо, Западу есть чем удивить чужака. Фейри – те ещё злобные высокомерные твари, куда уж там коту-оборотню или даже всем Асторнам разом. Не иначе как в лесу Лливелин что-то большое сдохло в тот день, когда сидхе решил пойти в охотники.

– Спасибо, маршал, – поблагодарил я, когда Александр закончил.

– Я могу идти?

– Можете. Если не затруднит, пришлите мне действующий график дежурств. Хочу взглянуть.

Он кивнул и поднялся, деловитый, серьёзный – ну точно кот, никаких сомнений. Альфа-кот. Почти наяву вижу, как недовольно он дёргает хвостом, учуяв во мне соперника по территории. Надеюсь, не тигр, из всех кошек они самые сложные.

Я склонился было над персоналкой, собираясь просмотреть базу текущих расследований, когда Александр, открывший было дверь, вдруг захлопнул её и снова повернулся ко мне.

– Что-то ещё, маршал Сазерленд?

– Да. Сэр, мне хотелось бы уточнить... – он вдруг замялся, как если бы раздумывал над формулировкой. – У нас могут быть проблемы?

У меня с вами, ты хотел спросить? Или у участка, полного разной нечисти, с пришлым вампиром, о чём происхождении ты узнаешь довольно скоро?

– А они должны быть? – ответил я вопросом на вопрос, надеясь, что Александр поймёт уточнение.

Понял. Вздыхнул, вернулся к столу, но садиться не стал.

– Вы мне скажите. Я оборотень, вы – вампир, наши... виды не слишком дружны. По понятным причинам. Хотелось бы знать, насколько вероятна ситуация, что мы перегрызём друг другу глотки, если вдруг не сойдёмся во взглядах.

– Подобная ситуация маловероятна, Александр, – заверил я без всяких раздумий. – Разумеется, за ваше желание перегрызть мне глотку я отвечать не могу. Но последние лет сорок я успешно разделяю личные отношения и работу. И ценю в людях – и нелюдях – прежде всего профессионализм. Того же жду от своих подчинённых. Я не слишком многого прошу?

Маршал замотал головой, мигом растеряв половину сво-

ей кошачьей надменности, заметно расслабился и даже чуть растянул губы в улыбке.

– Хорошо. И, Александр, – позвал я, когда он направился обратно к выходу, – если у вас или у кого-либо ещё действительно возникнут проблемы – любого рода, – то я надеюсь узнать об этом первым.

– Разумеется. Сэр.

Едва он вышел из моего кабинета, я почти сразу же услышал чьи-то торопливые шаги. А затем Александр сварливо поинтересовался:

– Вот где ты вечно шастаешь, когда в кои веки надо быть на рабочем месте?

– Брось, Алек-чин, какой пёс тебя за хвост цапнул? – ответил ему голос. Мелодичный, с лёгким, певучим акцентом. Женский. Подозрительно знакомый. – Прости, прости! Я не виновата, ладно? Какой-то хмурый красавчик всё пытался обвинить меня в краже его сердечка.

– Да, по твоей счастливой физиономии сразу видно, что ты сегодня уже что-то спёрла. Красавчик был настолько горяч?

– Как грёбаное пекло! Кстати о пекле, а что ты делал в кабинете шефа? Мы вроде позавчера оттуда съехали.

– Киро...

Киро?

Я вышел в приёмную, даже толком не успев подумать. И ничуть не удивился, узрев возле своей двери недоразумение

с скрипкой. Точнее, уже без скрипки и без всякого намека на сомнительную с точки зрения закона подработку. Зато с кобурой и значком маршала на поясе. И с многоцветьем та-туировки, выглядывающей из ворота, ползущей по предплечью из-под закатанного рукава. Алый и лазурь, почти в масть моему маршалу с её яркими голубыми глазами и густо покрасневшими щеками.

– Александр, можете быть свободны, – не сводя взгляда с этой... Киро, отчеканил я. – Маршал Хаттари, так понимаю?

Не дожидаясь ответа, оттолкнулся от косяка, отвернулся, жестом позвал её за собой.

– Зайдите, – озвучил на всякий случай – следовать за мной Киро не торопилась.

Я вернулся на своё место и теперь не без злорадного удовольствия наблюдал за смущённой донельзя девчонкой. Ну как девчонкой... Если правильно помню, ей лет тридцать, не меньше.

Про маршала Хаттари я кое-что узнал ещё в ту пору, когда только готовился занять должность. Магистр сверхъестественной биологии, автор множества спорных, но весьма любопытных научных публикаций о сидхе. Лучшая охотница Алькасаара. Десять лет стажа, из них аж семь – с лицензией ликвидатора.

О том, что она сама – подменьши сидхе, я не знал; похоже, об этом не болтают направо-налево. И правильно делают. Но всё-таки ожидал увидеть... кого-то другого, в общем.

При всём желании я бы не принял за тридцатилетнюю женщину и магистра наук вот эту, хм, особу, будто сбежавшую не то с постылых лекций, не то с рок-концерта. Хотя ладно, сейчас молодёжь всегда и везде расхаживает в узких джинсах и толстовках с дурацкими принтами. И татуировки тоже чуть не у каждого первого.

Но ничего подобного я прежде не видел. Признаюсь, заинтригован.

Потому что татуировка как живая. Буквально. Казалось, чем сильнее Хаттари смущается и нервничает, тем больше чернил расплзается по её бледной коже. Багрянец, зелень, лазурь. В ворота нелепой толстовки прямо на глазах распустился очередной алый цветок, а из-под закатанного рукава всё более явно виднеется нечто, напоминающее чешуйчатый хвост. Длинный, влажно блестящий и сердито метущий туда-сюда.

Интересно даже, как картинка будет выглядеть целиком?

Так, ладно. Мысль вроде и невинная, но всё же совершенно неуместная. Да и пауза изрядно затянулась.

– Сэр, если вы хотели...

– Не хотел, – прежде чем Киро закончила, отозвался я. Жестом предложил присесть, но она осталась стоять.

Слукавил я, конечно, здорово – побеседовать об инциденте на площади, о номере на оранжевом боку бумажного стаканчика мне хотелось. Очень хотелось. В конце концов, не каждый день тебя угощает кофе симпатичная девушка с при-

ятным глазу размером клыков. Но смотреть на Киро и без того жалко – вряд ли, сверкая клыкастой улыбочкой, ждёшь, что «хмурый красавчик» окажется твоим начальником.

– Маршал Хаттари, полагаю, наше с вами знакомство прошло несколько не в той форме, в какой должно было.

Киро скрестила руки на груди, беспомощно покосилась на дверь. И, кротко потупившись, ответила:

– Да, сэр.

«О, так я больше не “красавчик”?» – хотел было уточнить. Но не стал. Вышло со всех сторон неудобно, что и говорить. Как тут не смутиться?

– Предлагаю исправить ситуацию. Меня зовут Люциан Вернер, я, как вы поняли, ваш новый начальник. И вампир... наполовину. Надеюсь, у вас нет проблем с моей сущностью?

Простите, маршал Сазерленд, что нагло своровал вашу идею. Но уж слишком она актуальна.

На лице Киро мелькнул неподдельный интерес. Это и понятно: у вампиров нечасто рождаются свои дети, а уж полукровки и вовсе редкость. Негоже тащить еду в постель, как непременно заметил бы мой неуважаемый дядюшка Мариус. Или Винсент. Или... Да любой из них.

– Проблемы? – наконец переспросила она чуть изумлённо. – Маршал Вернер, вам не кажется, что я здесь последняя, кого можно заподозрить в расизме?

– Вампиры не всем по душе. Особенно в Алькасаре.

– О, в самом деле? – буркнула Киро, поморщившись. –

Подержите-ка моё пиво. Сэр.

Не могу её осудить за такую реакцию. Если сравнивать с сидхе, моё кровососущее племя – прямо-таки народные любимцы.

– Если вы намекаете на возможное предвзятое отношение к вам, то уверяю – с остатками предвзятости я расстался много лет назад. Понимаю, это не доказать одними словами. Я новое лицо в сложившемся коллективе, вы не знаете, чего ожидать от меня, и я только сегодня ознакомился... с некоторыми особенностями этого отдела.

Выдержал паузу, чтобы убедиться – Киро меня поняла. А она, подумав, кивнула, точно приняла к сведению.

– Хотелось бы кое-что прояснить, маршал Хаттари. Я ничего не имею против... эпатажа. И даже допускаю, что у ваших сегодняшних действий есть важная причина. Но я предпочитаю контролировать ситуацию. Всегда. Особенно когда моя подчинённая, к которой несведущие люди могут отнестись предвзято, пользуется чёрной магией среди бела дня.

Киро снова кивнула, растёрла переносье двумя пальцами. А затем вдруг подошла к моему столу и по-свойски открыла верхний ящик.

– Сейчас покажу, так проще будет объяснить, – только и пробормотала она. – Да где же... А, вот!

Передо мной разложили приличных объёмов карту округа Алькасар – такую можно купить в большинстве книжных магазинов Запада. Поначалу в ней не было ничего странно-

го, но затем на плотной бумаге вдруг проступило множество нарисованных от руки деталей – разноцветных линий, схем, картинок и подписей, сделанных уже знакомым каллиграфическим почерком. Некоторые были цензурные, а некоторые не очень. Поперёк земель Асторнов красовалось вполне однозначное «мудаки в жабо», и я едва не фыркнул. Коротко и ёмко, лучше не скажешь.

– Короче, – деловито начала Киро, склонившись над картой, – зелёное – это любимые заглазники феек, там надо быть осторожным. Жёлтое – аномалии, оранжевое – нестабильные аномалии. Технику безопасности в аномальных зонах вы наверняка знаете без меня, поэтому я заткнулась. Красные штуки – кротовины, и туда вы без меня не ходите, если жить не надоело. Играю я обычно вот в этих местах, – она указала пальцем на несколько зелёных крестиков. – Старшие держатся подальше от городов, но мелкой нечисти здесь полным-полно – пикси, гоблины и прочая пакость... Грубо говоря, я им даю развлечение, а они мне – информацию. Не спрашивайте, что весёлого в девке со скрипкой и в куче шумного народа вокруг: у сидхе логика – просто отрыв башки. Деньги ни у кого не вымогаю, это добровольно. И да, у меня есть лицензия на уличные выступления! Всё по закону, сэр.

Занятная вещица, надо будет изучить на досуге. А лучше всего – как можно быстрее, чтобы не оказаться в неприятной ситуации. Не мне жаловаться на возраст – по крайней мере, не в ближайшие пару сотен лет, – однако когда тебе пере-

валивает за шестьдесят, начинаешь ценить комфорт, размеренность и рутину. Без неожиданностей.

– Хорошо, – отозвался я, потянув карту на себя. Киро среагировала не сразу, задержала ладонь, но затем всё же убрала и немного непонимающе уставилась на меня.

– Хорошо?..

– Да, маршал. Спасибо за объяснения, я вас услышал. И... Она замерла, подобралась вся, тут же учуяв подвох.

– ...не знаю, как вы работали с предыдущим начальником, но я не из тех, кто подвергает опасности своих людей из желания иметь лишнюю информацию. Вы сейчас ведёте какое-либо дело, требующее тесного общения с сидхе?

– У меня других не бывает, – чуть резко отозвалась Киро, выпрямившись и глянув на меня сверху вниз. Её глаза снова вспыхнули фиолетовым, не иначе как от гнева. – Я веду все дела, связанные с сидхе, а они в основном делятся на две категории – «трындец» и «полный трындец». Спасибо за беспокойство, сэр, но я рискую головой едва ли каждый день. И полностью осознаю последствия. Кучка пикси – не то, о чём нам обоим следует волноваться.

«Больше не ведёшь» – первое, что пришло на ум после этой её речи. Потому что работаю на этой работе давно и повидал достаточно ситуаций, когда хороший коп становился мёртвым копом. Кто-то терял осторожность и лез под ножи, клыки и пули, считая, что его некому прикрыть. Кто-то становился жертвой собственной самонадеянности. А кто-то

видел решение своих психологических проблем в прыжке с моста Кей.

В том, что проблемы у Киро есть и своими размерами вскоре грозят перерасти самую монструозную вампирскую крепость, нет никаких сомнений.

Увы, взрослые порой ничем не отличаются от детей и любые советы воспринимают как нравоучения. Точнее, не воспринимают совсем. И устраивают себе (и окружающим) ещё больше неприятностей. Конечно, можно было бы...

Нельзя. Нельзя, Люк. Она сидхе, на неё тёмная магия не подействует. А даже если и да – сильно ли она будет тебе благодарна, когда поймёт, что стала жертвой твоих чар? Вот уж вряд ли.

– Если бы о преступниках можно было не волноваться, Киро, в нас не было бы нужды, – проговорил я, осознанно называя её по имени. – Я не враг тебе. И никому здесь. Мне нет дела до статистики и показателей, я не люблю патетичные возгласы о преданности делу и заслугах перед родиной. Но в Аркади я не потерял ни одного охотника. И не хочу начинать список здесь.

– Разумеется, – Киро склонила голову и опустила взгляд, вроде как устыдившись своей вспышки. Алые цветы на еёшее тоже грустно поникли, точно надумав увянуть. – Простите, я вовсе не... Я вас поняла, сэр. Могу ещё чем-то помочь?

– Спасибо, пока что можешь быть свободна.

Она кивнула и отошла от моего стола, поникшая что те цветочки. А у меня внутри вдруг заворчалось нечто тяжёлое, колючее как терновый куст, жутко неприятное. Что-то новое и странное, чему я пока и названия подобрать не могу.

– Киро, – не удержавшись, окликнул её у самых дверей. – Без сахара.

– Что?

– Кофе. Я пью без сахара.

– Да как вас, извращенцев, земля носит?!

Скроиив забавную гримасу и всем видом выразив страшное омерзение, она скрылась-таки за дверь. Но, кажется, немного повеселела.

Кто бы знал, конечно, почему меня это вообще так беспокоит.

Глава 3

Ещё в свои безмозглые четырнадцать я крепко-накрепко уверилась: Алек Сазерленд – самый бесстрашный котик на свете и ничего не боится. Ну... кроме алгебры с физикой. И апельсиновых корочек. И, конечно же, моей мамы.

– Алек-чин! – возопила она, уперев руки в бока, едва мы показали на пороге «Сапфирового дракона». – Почему, позволь спросить, я вижу своего пятнистого сыночка в первый раз на неделе?!

– Виноват, мама Сора, – пробубнил Алек, покорно склонив голову. – Больше не повторится.

– Как же, как же, это я уже слышала. Примерно миллион раз!

И всякий раз забавно наблюдать, как плечистый охотник-оборотень добрых метр девяносто ростом весь съеживается и что-то робко мямлит под гневным взором простой вэйданской женщины, крошечной и хрупкой, как фарфоровая куколка.

– Эй, а как же я? – делано возмутилась я, отвлекая её от причитаний о бедном Алеко, страдающем без вкусной еды и женской ласки. – Ты любишь этого кошака больше, чем свою дочь!

– Потому что он хороший мальчик и не заставляет маму Сорю сидеть раньше времени! – парировала мама с королев-

ской невозмутимостью. Но затем всё-таки потянулась обнять меня и быстро чмокнуть в щеку. – Ох, Киро-чин, ты тоже могла бы почаще радовать маму своим присутствием. Вы с Алеком слишком много работаете. Маршал Броган вообще в курсе, что вы не его собственность?

– Маршал Броган больше не маршал, – резонно заметил Алек. – Собрал вещи да отбыл в Саргон загорать. А Киро тебе не говорила?

На лице матушки, красивом и до неприличия молодом, отразилось секундное замешательство.

– Ах, и вправду, что-то такое говорила.

Она любопытно сощурилась, явно желая вызнать больше подробностей – Рис, то есть маршал Броган, был её хорошим знакомым. (Или не таким уж хорошим, раз и словом не обмолвился о своём отъезде.) Но тут же досадливо глянула в сторону кухни, откуда, как всегда, раздавался шум множества голосов и несмолкаемый звон приборов.

– Ох, ладно, потом... Ваш столик свободен, Кори сейчас подойдёт. И попробуйте только не явиться на обед в субботу! Жду вас к трём часам!

Напоследок погрозив нам пальцем, точно паре непослушных трёхлеток, мама стремительно направилась к своим рабам на галеру... ах, простите, к подчинённым на кухню. Хотя для них разница невелика. Сора Хаттари может быть самой доброй и нежной мамой на свете, но в святая святых её ресторана царит прямо-таки военная дисциплина.

– Я вот даже не буду спрашивать, есть ли у нас выбор, – фыркнул Алек, едва мы заняли наш любимый угловой столик возле аквариума, полного пёстрых рыбок. Не помню, какие как называются, это Кори у нас фанатка морской живности. – Порадуем маму, а, Киро? А вечером можем сходить куда-нибудь. И Престон позовём, она как раз выходная.

– Погоди, но я-то дежурю.

Алек изумлённо захлопал глазами, а затем довольно и как-то даже малость снисходительно выдал:

– А ты давно расписание обновляла? Больше не дежуришь. Суббота теперь на Вернере.

– На маршале Вернере? – на всякий случай уточнила я, не поверив своим ушам.

Нет, никаких других Вернеров в нашем управлении никогда не водилось, однако не припоминаю, чтобы прежний наш главнюк стремился торчать в офисе лишнюю ночь. Справедливости ради, у главного ликвидатора и без всяких дежурств работы по самые гланды.

– С чего бы это?

– Вот ты и спроси, – хитро прищурившись, предложил Алек. – Это не я с ним в кабинете шушукаюсь по полчаса. А ведь я его заместитель! Ладно, ладно, – сжалился он, когда я одарила его сердитым взглядом, – его вампирское высочество повелело освободить тебя от лишнего дежурства. «Пять выходных за один месяц, несомненно, похвальный пример любви к работе. Но, к сожалению, нездоровый». Конец ци-

таты.

Нет никаких причин злиться. Вообще никаких. Напротив – я должна порадоваться, что кому-то вдруг стало до такой степени не наплевать на меня и моё здоровье. И должна быть благодарна, что с меня сняли дополнительное дежурство. Да я и благодарна. Честно, благодарна!

И зла тоже. Не то из-за бесцеремонности Вернера, не то из-за красочной цитатки. Прямо-таки наяву слышу этот его я-тут-всё-контролирую тон.

– Да что, блин, с ним не так?! Пока я справляюсь со своей работой, какое его дело, сколько времени я торчу в офисе?

– Пока он за тебя отвечает, это его дело. И здесь я на стороне Вернера, – пожал плечами Алек. И тут же ухмыльнулся, зараза пятнистая. – Что с ним не так? Это вопрос как раз для тебя, коварная ты похитительница холодного вампирского сердечка!

– Заткнись, Алек, просто заткнись!

Я застонала и уронила голову на сложенные руки. О, Тьма, прошу, дай забыть тот день как страшный сон!

Клеить парней на улицах – не совсем то, к чему я привыкла. Вернее сказать, такое вообще случилось в первый раз: я всё ещё социально неловкая клептоманка! Но кто бы на моём месте удержался? Безбожно охренительный мужик, вывалившийся прямиком из чьих-то эротических фантазий о, не знаю, властном молодом миллионере, возвышается над толпой эдаким грозным божественным изваянием и неприкры-

то пожирает тебя взглядом. Да таким пристальным, что впо-
ру не то прыгнуть на тарелочку, не то вовсе загореться си-
ним пламенем.

Звучит как начало омерзительно слащавой любовной ис-
тории? А хренушки.

Когда он увязался за мной, я и вовсе решила, что это за-
сланец от Принца Бастардов или ещё какого сидского про-
щельги. Потому что почувяла в нём тьму под маской челове-
ка. И решила, мы с ним одной породы. Полусидхе.

Но оказалось, он скорее как мой Рэн. Полувампир.

Ладно, стоит посмотреть правде в глаза: кем бы ни был
Люциан Вернер, одно неизменно – такие, как он, никогда не
звонят таким, как я. Иначе мне бы просто не хватило сме-
лости дать ему свой номер. Да что уж там, я до сих пор не
очень понимаю, что на меня нашло!

– Сестрёнка, ты живая там? – меня бесцеремонно ткнули
в бок кулаком. – Двинься, мне ставить некуда!

– Я тоже по тебе скучала, малышка Кори, – ворчливо ото-
звалась я, но села прямо. Как ни крути, а страдать по хмуро-
му красавчику, посмевавшему оказаться твоим шефом, гораз-
до удобнее на сытый желудок.

– Сама ты малышка, я тебя обогнала уже на шесть сан-
тиметров! – огрызнулась моя старше-младшая сестрица, вы-
ставив перед нами две громадные миски с благоухающим су-
пом фоа, и плюхнулась рядом со мной. – Удачно объявились,
ребята. У нас сегодня курица карри и паровые булочки со

свининой. Тащить?

– Ну разумеется! Как дела в школе?

Кори печально вздохнула, коротко прижалась щекой к моему виску.

– Тригонометрия опять сделала меня своей сучкой. У нас с тобой это семейное, да?

Я улыбнулась, взъерошила ей волосы, остриженные чуть ниже острого подбородка, но такие же тёмные и непослушные, как мои. Мы вообще с ней чуть не на одно лицо – разве что у Кори чёрные глаза, раскосые и очень выразительные, как у мамы. И ростом она, похоже, пошла в отца.

В *нашего* отца. Человек, который ненавидел меня всю мою жизнь, боялся меня, даже пытался убить... он сам же мне эту жизнь и дал. Прижил меня от нечисти. Сказала бы про иронию судьбы, но на самом деле это был вполне себе умысел моей фейской мамочки: умыкнуть Кори в Сид, взамен подбросить меня и посмотреть, что из этого выйдет.

Обычное развлечение для сидской мрази. Стоило бы убить её за это, но... я предпочла обменять её жизнь на кое-что поважнее. На мою сестру, прожившую среди жестоких бессмертных тварей двадцать лет, но постаревшую лишь на пять. В Сиде время течёт иначе. Там всё иначе.

– Мы придём в субботу, и Алек поможет тебе расквитаться с тригонометрией. – Алек тут же кивнул, подтверждая мои слова – мол, что угодно, лишь бы не алгебра. – А теперь дуй за булочками, дай взрослым поговорить.

Кори состроила недовольную физиономию, но послушно сгребла со стола пустой поднос и поплелась в сторону кухни.

– Чего ты бесишься-то? – взявшись за керамическую ложку, продолжил Алек, ничуть не желающий пощадить бранные останки моего эго. – Не успел новый шеф заступить на службу, а ты уже его любимица. Серьёзно, он с тебя глаз не сводит всякий раз, как вы оказываетесь в одном помещении. Прямо пожирает взглядом, мне аж неловко делается. Снимите гробик!

– Ха. Ха. Ха, – скучающе отозвалась я, выжимая в свою миску ломтик лайма. – Нет, Алек, даже не смешно. Ты стрёмный. И мутить с начальником – тоже стрёмно, даже если забыть о том, что я не из его лиги.

– Боги, Киро...

– Что? Просто взгляни на него, а затем на меня. На него – и снова на меня.

– Да я уже.

– И?

– И я рядом с вами определённно третий лишний!

Я на это даже отвечать не стала, просто схватила палочки и демонстративно принялась за еду. Всё лучше, чем выдавать желаемое за действительное.

Любопытство взяло верх над недовольством, едва я покончила с бульоном. Короче, очень быстро. А я ведь даже не из кошачьих, в отличие от моего друга! Вот уж ничуть не сомневаюсь, что Алек успел узнать о Вернере всё, что можно.

И что нельзя тоже – коты не зря считаются великолепными охотниками. Во всех смыслах.

– Давай уже, рассказывай.

Алек вздохнул, пододвинул ко мне крохотную миску с маринованными овощами, точно пытаюсь задобрить.

– Не хочешь дружить с нашим нёмёртвым шефом – твоё право. Но Хаосом молю, не делай его своим врагом! Он из Асторнов, а с ними связываться себе дороже.

Я так и замерла, не донеся до рта зажатую в палочках креветку.

– Да ты гонишь, котик-чин! Что это за Асторн такой, которого Вернером звать?

Надо же, а я-то недоумевала, с чего вдруг этот мрачный красавчик кажется таким знакомым. Смутно, но тем не менее. В самом влиятельном гнезде Запада все вампирюки как по одной форме отлиты – высоченные и статные, суровые такие, темноволосые, с пронзительными взглядами и хищными ястребиными профилями. И наш шеф под это описание подходит чуть менее, чем полностью. Разве что у него черты немного мягче, милевиднее и... добрее, что ли. И цвет лица не такой печальный.

– Эксклюзивный, в единственном экземпляре, – мрачно пошутил Алек. – Его мать не кто иная, как Лорейн Вернер.

– Это которая магистр чёрной магии? Я к ней на факультатив ходила, когда в Магистерии училась. Они с Люцианом вообще не похожи.

– Ну само собой! – усмехнулся он чуть ехидно. – Нам попался Вернер с рожей записного Асторна. То-то его выдающийся нос мне показался таким мучительно знакомым...

– Нормальный нос! – возмутилась я невесть почему. – Хм, ну, в смысле, там всё нормальное... то есть не просто нормальное, а... Блин, давай просто сделаем вид, что я ничего не говорила.

Он состроил ту самую непроницаемую физиономию, с которой обычно пытался обыграть меня в картишки.

– Я уже понял – ты всё старательно рассмотрела. С сугубо профессиональной дотошностью. Как и положено хорошему копу. Взвесила, измерила и признала пригодным к...

– Иди ты, Алек!

– Нет уж, пойду тут не я. Куда ты собралась, к вампирам? А наш горячий как пекло шеф в курсе?

– Мы с шефом не настолько близки, чтобы я ему сообщала о своих планах на выходные, – споро отшутилась я. – Каким бы там горячим он ни был.

Внутри, однако, вспыхнуло раздражение. Почему я вообще должна о каждом шаге отчитываться шефу? Рис ничего такого не требовал. Может быть, только поначалу, когда я ещё была зелёной стажёркой без лицензии ликвидатора и хвостом таскалась за Алеком. Но нужда в наставнике у меня давно пропала. Как и в напарнике.

Одной проще. И спокойнее.

И это не только к работе относится, да.

– Ну-ну, – откликнулся Алек чуть хмуро. – Точно не хочешь, чтобы я пошёл с тобой?

– Бро, нет, ты мне всех кровососов распугаешь!

– Ладно. Но упаси Хаос тебя не написать мне, как только будешь дома!

– Да-а, ма-амочка!

В клятую вампирню я, конечно, не помчалась сразу же, едва расставшись с Алеком. Вот ещё не хватало. Свободные вечера я стараюсь проводить в Железном Чертоге, где помимо моего вздорного крыжовничка хватает и детей, и проблем. Казалось бы, какие могут быть проблемы в приюте, где всего-то семьдесят четыре ребёнка? Да, детишкам уделяется прилично внимания; более взрослых пытаются как интегрировать среди людей, так и оградить от дурного влияния... В большинстве случаев даже получается, всё же семьдесят детей – это вам не семьсот. Железный Чертог даёт подменным какое-никакое подобие семьи. Но, как и в любых семьях, дети попадают разные. Почти все имеют дурную тягу к воровству, у доброй половины – трудности с социализацией, кое-кто просто уродился с не самым лёгким характером...

Они замечательные, без шуток. Все они. Да только не каждый готов принять и полюбить того, чьё племя относится к людям как к скоту. Понять могу, простить... ну, вряд ли.

Какими бы чудовищами ни были фейри, а все самые ужас-

ные душевные раны я получила от людей. Ведь люди, под всей их нарядной одеждой из гуманизма и цивилизованности, тоже те ещё монстры.

К «Мэлоуну» я подъехала уже в двенадцатом часу, в кои веки нарядившись как следует, уложив волосы и напялив социально приемлемый костюм девочки – откопала в недрах шкафа юбку из тех, что покороче, нарядную ярко-синюю блузку, сверху накинула блейзер, чтобы прикрыть кобуру. И с неохотой впихнулась в туфли, несуразно дорогие, но на удивление удобные. Ну, насколько вообще может быть удобна обувь на таком диком каблуке. Ума не приложу, как можно такое носить каждый день?

Очевидно, что я к подобной одежде не особо привычна. И, как мне кажется, выгляжу в ней совершенно по-дурацки. Отнюдь не плохо, просто... это же не я! Но к вампирам в футболке, джинсах и любимых розовых кедах лучше не заявляться – они ж капризные, заразы, начнут кривить морды, мизинчики оттопыривать, ну и что там ещё в арсенале у этих бархатно-кружевных снобов...

Маскарад вроде сработал. Кровососы мне обрадовались как родной.

Ладно, ладно, я несколько преувеличила. Но внимания всё равно хватало, даром что чернила под кожей притушили мою ауру, тёмную и горькую, как любимый кофе моего нового шефа. Полностью не скрыли, но сделали куда менее заметной. Не просто так же я однажды решила сделать себе

миленькую, но излишне вредную татушку? Сидхе зовут такие штуки *джетэн* – «волшебная шкура», если дословно. И эта самая «шкура» здорово выручила меня: без неё я была бы облеплена вампирами со всех сторон, как пиявками в пруду.

Рано обрадовалась. Едва поняв, что я тут скучаю одна, кровососы чуть не в очередь встали. Ну куча ведь народу, почему я-то?! Твою ж мать, шесть разнополых клыкастых рыл за четверть часа! И не пошлешь же, приходится улыбаться да выдавать дежурную чушь по типу «безмерно рада встрече, но я тут кое-кого жду».

А я и впрямь жду. Пикси на Площади пяти улиц были в хорошем расположении духа и дали весьма точные указания – *«иди туда, где кровь бежит как вода, и ищи того, кто красен как головёшка и крепок как дуб, и так същется тот, кто зовёт себя Иорэтом...»* Да, *неточные* указания звучали бы ещё кошмарнее. И так-то остаётся гадать, в чём подвох.

Надо сказать, «красен как кровь» – это скорее про здешние интерьеры. Всё сплошь алое и чёрное. А ещё кожаное, металлическое и глянцево сверкающее. Неужто меня занесло в какой-то низкопошибный бордель с БДСМ-уклоном? Я что-то слегка, хм, не по этой части...

– Вы ведь так смертельно заскучаете, моя прелесть, – прозвучал вдруг рядом голос, приятно сладкий и тягучий, точно медовуха. Щедро сдобренный магией. Не особо пробрало, однако начислим парню очко за хорошую попытку.

Но *моя прелесть*? Чувак, серьёзно? Я улыбнулась, стара-

ясь не сверкать клыками, и приготовилась было выдать уже прилипшую к языку отмазку...

Помимо стандартно смазливой физиономии слегка полежалого западного аристократа, вампир щеголяет роскошной копной волос. Красных. Не как головёшка, но скорее как кровь. Наверняка крашенные, но и хрен с ним, меня сейчас не услуги его парикмахера интересуют.

– Я склонна согласиться с такой оценкой ситуации, мистер...

– Зови меня Дара.

На старом языке древней Кальты «дара» значит «дуб». Крепкий, ага. На нервах сразу захотелось шуткануть в стиле средней школы и спросить, не эвфемизм ли это для его могучего члена. Но вместо этого сокрушённо качнула головой и пожаловалась:

– Мой... друг, кажется, решил меня кинуть. А и пошёл бы он, козёл рогатый! Кстати, я Мор.

– О, прелестно. Это сокращённо от Морел или Морриган? *Морриган*? Ма-ать моя Тьма, этот красный перец реально не первой свежести.

– Кто знает? – выдохнула в эдакой потуге на кокетство. – Должна же в девушке быть загадка?

Вот когда читала всю эту хрень в руководстве по охмурению вампиров – ухоталась до упаду. А смотри-ка, работает. Этот Дара ощутимо напрягся – не в плохом смысле, скорее как хищный зверь, почуявший добычу, – осмелел на-

столько, что даже уложил руку мне на шею. Погладил с нажимом, отогнул воротничок блузки.

Немедля захотелось оторвать наглому вампирюке его явно лишнюю конечность. Но поди ж ты, я тут вроде бы пытаюсь корчить из себя беспомощную лапочку.

– Твой первый раз, сладенькая? Не вижу следов...

– Ты пока не видел всю меня.

Ответ Даре понравился. Хотя воспринял он его явно скептически – словно бы у меня на лбу написано, что в отношении вампиров я просто жалкая некусанная девственница.

– Как зовут твоего друга?

– Иорэт, – заявила я. И растянула губы в клыкастой улыбочке.

Рискнула обратить его в бегство, да. Но теперь, зная имя и лицо этого вампира, я найду его где угодно на Западе. К тому же... этот не сбежит, нет. Он охотник. Из тех, что нипочём не смогут вовремя остановиться. Даже если от этого будет зависеть их никчёмная не-жизнь.

– Ах, *этот* друг, – протянул Дара, продолжая держать руку у меня на пульсе. Бесит ужасно. Так и хочется достать ствол да угостить крашеного проходимца серебром. – Его в последнее время много кто ищет. Возможно, я даже знаю, где он.

– И что же ты хочешь за это знание?

– Все мои желания относительно тебя должны быть очевидны, сладенькая. Как там вы, ушастые, любите говорить...

У нас есть сделка, Мор?

Дерьмо. Я и впрямь собираюсь дать вампиру пожрать свою шею, чтобы вызнать у него про похитителя младенцев? Стрёмно как-то. Да, может, я и сторговала когда-то свою невинность Принцу Бастардов, но с тех пор прошло четырнадцать лет. Мозгов и осторожности пусть немного, но прибавилось.

Ладно, по ходу разберёмся. Главное, остаться с ним наедине.

– У нас есть сделка, Дара.

Ухмыляясь чуть насмешливо, он протянул мне свою белёсую лапу для пожатия. А я... я дёрнулась, когда в кармане пиджака завибрировал комм.

– Прости, это, наверное, с работы. Мне надо ответить.

Дара был явно недоволен, но кивнул. Очень надеюсь, что это не выглядит как бегство, я поспешила к выходу.

– Чарли?

– Эй, Киро-чин! – послышался в трубки знакомый сочный басок маршала Данбара. – Хорошо, ты ответила. Прости, что порчу выходной, но у нас тут... трындец, в общем. Можешь подъехать в парк Бри?

– Конечно, бро. Это ж тот, что у озера Лах-Бре?

– Да, он.

– Буду через двадцать минут.

К такси я, честно говоря, не пошла – побежала вприпрыжку. Подальше от этого дуба морёного, будь он неладен. Вам-

пиры в целом-то довольно мутные типы, но от этого прям мурашки по коже. Возможно, потому что моё горло не в восторге от перспективы знакомства с его зубищами.

Совсем не в восторге. К следующему разу надо придумать что-то получше.

Близилась полночь, дороги почти опустели, так что до парка доехали быстро. Не без облегчения сунула двадцатку излишне болтливому таксисту, выбралась наружу и зябко поёжилась – ноябрьской ночью в лёгком пиджачке разгуливать не очень-то комфортно. Ну да ладно, потерплю. До моего дома здесь недалеко; думаю, Чарли не откажется меня подбросить.

Пару минут я брела по мощёной дорожке на звук голосов, потом наконец увидела оцепление и раздражённо поморщилась. Копы, конечно, тоже здесь. Уже отсюда слышу, как Чарли собачится с моим самым горячим поклонником, Кеннетом Барром – детективом полиции, заправским мудаком и просто редкой прелестью.

– Миз, сюда не... – забормотал было маячивший у оцепления сержантик, но тут же осёкся и расплылся в противной ухмылочке. – Хаттари, ты, что ли? Славная юбочка! Кен, смотри, твоя любимка нынче при параде!

Я и бровью не повела, давно привыкнув к хамским шуточкам, неизбежно знакомым всякой женщине, что имела сомнительное такое счастье пойти работать в органы. В нашей

сфере, увы, процветает сексизм, шовинизм и огульная нетерпимость ко всем, кто имел наглость не родиться белым чистокровным мужиком-натуралом. Чтобы прижиться в полиции, нужно быть в два раза круче любого парня и напоказ презирать все «бабские глупости». А иначе как в том плохом анекдоте: дала – шлюха, не дала – шлюха и стерва.

– Ух ты, так оно реально женского пола! – подал голос Кеннет, как следует облапав меня взглядом и традиционно сделав вид, что мои... гендерные признаки его ни капельки не интересуют. – На работу как на праздник, а, феечка? Нового дружка завела? Кто этот несчастный?

Почему один вид кое-как накрашенной девицы в не шибко развратной юбчонке заставляет иных взрослых мужиков вести себя как кучка спермотоксикозных школьников? Да хрен его знает. Но они ж при этом ещё и воображают, будто женщине льстят их неуклюжие домогательства.

– Ревнуешь, сладкий? – огрызнулась я почти весело. – Дуться будешь у себя в участке. Забирай своих мудозвонов и катись отсюда, это федеральное расследование.

Кеннет на это лишь фыркнул, глаза на меня исподлобья.

– Не доказано, долбаная ты феечка.

– Слышь, Барр, пасть свою завалил, пока зубы целы! – рывкнул на него Чарли. – Ты мне что-то так и не ответил, какой человек может смастерить эдакий славный палисадничек.

– Я тебе не судмед, Данбар, – буркнул детектив уже без

прежнего энтузиазма. Волк-оборотень, ещё и в обличье здорового чёрного парня с пудовыми кулаками и свирепым взором, – это вам не долбаная феечка. – Сам-то ни хрена дельного сказать не смог! Стоим жопы морозим, ждём вашу полукровочку, вы ж за любой хернёй к ней бежите.

– У вас какие-то проблемы с полукровками, детектив? – послышался за спиной вкрадчивый голос.

Вот даже поворачиваться не нужно – я знаю только одно-го... нечеловека, который, оставаясь исключительно вежливым, способен говорить так, что мороз по коже.

Повернулась, тут же упёрлась взглядом Вернеру в подбородок. И это ещё на каблуках. Ох, а я-то, наивная, считала свои метр шестьдесят восемь приличным для девушки ростом...

Впрочем, на фоне моего нового шефа даже здоровяк Чарли как-то внезапно скукожился. И дело тут вовсе не в размерах – качком Люциана назвать трудновато. Плечистый, статный, не более того. Просто он из тех, кто в любой ситуации остаётся самым крутым мужиком в комнате. И не в комнате тоже, да.

Что он тут делает, даже спрашивать не буду. Такой может делать что захочет и где захочет.

– Доброй ночи, сэр, – пробормотала я, вскинув голову и встретив пристальный взгляд зелёных глаз, чуть светящихся в темноте. – Не беспокойтесь на этот счёт, у детектива Барра проблемы не с полукровками, а со мной лично. Рискну

предположить, здесь замешаны некие подавленные наклонности...

– Чё ты там пропищала? – взъярился Кеннет, дёрнул меня за плечо, заставляя повернуться обратно к нему. – Думаешь, раз ты баба, то тебе всё можно? Оставь-ка эти шлюшьи штучки для своего клыкастого босса!

За спиной упомянутого босса я оказалась на удивление скоро. Люциан оттеснил меня, встал между мной и Кеннетом, навис над ним, напоминая то ли готовую к броску кобру, то ли грозную горгулью. Я только и успела сделать шаг в сторону, когда вдруг ощутила... *это*. Давление чужой магии. Сильной, пробирающей до костей. Словно наждаком по коже полоснули. И это я, тёмная тварь, которой такие фокусы в общем-то привычны! Чарли, будь он сейчас в своей волчьей шкуре, непременно бы оцетинился. Почти вижу, как он скалит зубы, как поднимается шерсть у него на загривке.

Что чувствует Кеннет, я и представлять не хочу. Мне хватило голоса Вернера – ледяного, обманчиво ласкового.

– Вы сейчас же извинитесь перед моим маршалом, детектив Барр, – проговорил... нет, приказал он. – После чего уберётесь по своим делам вместе со своими... коллегами. И впредь будете обращаться к моим подчинённым исключительно в случае острой необходимости. Крайне острой. Вам всё ясно, детектив?

– Да, сэр, – отозвался Кеннет послушно.

И почему-то я вот ни капельки не удивилась, когда он

вдруг повернулся ко мне, чуть заметно склонил голову, точно школьник, оправдывающийся перед директором.

– Прошу прощения, маршал Хаттари. Был неправ.

Так быстро, словно ему отвесили знатного пинка, он удалился к остальным. Не сомневаюсь, и пяти минут не пройдёт, прежде чем Барр со своими клоунами уберётся восвояси. К моему превеликому счастью.

– Он не был искренен, – зачем-то заметила я. На лицо так и норовила наползти совершенно неуместная улыбочка.

– Я знаю, – пожал плечами Люциан. – Но тебе же было приятно?

Приятно? О, даже слишком. Вот только не унижение придурка Кеннета тому виной. Скорее, то, как решительно Люциан вклинился между нами. Заткнул наглое трепло, прокляв без всяких раздумий. А это его «мой маршал» – вообще форменная порнография!..

Ладно, Киро, помечтала и будет. Выкинь из головы всякие глупости. Он бы сделал это для любого *своего маршала*, ты не одна такая особенная.

– Спасибо, сэр, – поблагодарила его вполне искренне. – Но разве у нас не было разговора о применении чёрной магии среди бела дня?

На тонких, чётко очерченных губах мелькнула едва заметная улыбка.

– Сейчас ночь, Киро.

Так у хмурого красавчика есть чувство юмора? Нет, нет и

нет, я на это не поведушь.

– Вам не следовало так подставляться. Не из-за такой фигуры! Я того не стою, а уж Кеннет и подавно...

– Это мне решать.

И попробуй поспорь, когда тебя отбрили таким вот безапелляционным тоном.

Я и не спорю. Пожала плечами, мол, моё дело предупредить, и побрела дальше по желтоватой лужайке, к неглубокому овражку. Туда, куда не достаёт свет фонарей. Туда, где, по-видимому, лежит наш труп.

– Вот так икебана! – выдохнула я изумлённо. И самую малость восхищённо, врать не буду.

Тело женщины – обнажённое, серовато-белое, явно обескровленное напрочь – было облачено в цветы, точно в причудливый наряд. И дополняли его струны волшебства. Первородная тьма, окутавшая мёртвую женщину, взывала к первородной тьме, что живёт внутри меня.

Мимходом растёрла замёрзшие руки, похлопала себя по карманам. И тихонько выругалась – откуда бы при наряде вампирского ужина взялись одноразовые перчатки? Надо спросить у Чарли...

Обернулась и едва не налетела на Вернера – тот снова навис надо мной во всей своей вампирской красе. И протянул руку. С перчатками, да.

Забрала, поблагодарила кивком. И, каюсь, не смогла удержаться от шпильки:

– Вы всегда такой заботливый?

– Только с хорошими сотрудниками.

– А с плохими что делаете?

– Вы не хотите этого знать, маршал Хаттари.

Я могла бы поспорить. Но сейчас куда больше неуклюжего флирта с начальством меня интересует труп.

А он интересный, без шуток.

Убийца не уложил цветы поверх тела, о нет – он заставил их вырасти прямо из плоти.

– Это сидхе, – произнесла я, не отрываясь от пристально-го изучения жутковатой икебаны. – Скорее всего, кто-то от Старшей Крови, как и я сама... Кстати, у меня есть алиби.

– Рад слышать, – отозвался Люциан, кажется, чуть насмешливо. – Сам я только и понял, что применялась тёмная магия. Ты и впрямь можешь определить... нюансы?

– Я просто слышу это. Чую, если вам угодно. Хотя тут и без всякой магии видна рука сидхе.

– Почему?

Вновь обвела взглядом цветочное великолепие, буйно цветущее, невыразимо прекрасное в своей токсичной жути. Сразу захотелось взять тетрадку и накорябать какую-нибудь заунывную музыкачку для скрипки, а не вот это вот всё.

– Дельфиниум, безвременник, сангвинария и горный лавр, – перечислила, указав на каждый цветок по отдельности. – Фейри прутся по ядовитым цветочкам, считают их тонкой аллюзией на самих себя. *Двен нихар*. Опасная красота.

– Вы, ребята, о себе высокого мнения, не так ли?

– Мы? – переспросила я с невесёлым смешком. – Я не фейри. Да и нет во мне ничего особенного.

– Разве?

Этот вопрос можно запросто принять за флирт. Да что там, именно флиртом он бы и был, задай его кто-то ещё. Но не Люциан, смотрящий на меня удивлённо, недоверчиво и осуждающе.

– Предпочла бы обсудить мои сомнительные прелести в более приятной обстановке, – проворчала я, поднеся закоченелую ладонь ближе к лицу и критически рассматривая. – Есть идеи, как с неё выпустили кровь? Крупные кровеносные сосуды не повреждены, верно?

Глянула искоса на мистера Я-всё-контролирую, но тот по-прежнему сохранял невозмутимость. Наверняка составил в голове примерную картинку убийства, но подсказывать не будет. И правильно, мне оно незачем.

– Я нашёл проколы, их трудно было не заметить, – наконец произнёс Вернер. – На этом всё.

Машинально коснулась бледного отверстия на запястье. Ни следов крови, ни какого-либо её запаха. Хрупкие цветки безвременника лиловеют на фоне меловой кожи, образуют плавные кривые точно по линиям вен.

– Её не обескровили, – озвучила я, укрепившись в недавней своей догадке. – Поэтому ни следов, ни запаха, ни трупных пятен. Кровь просто превратили во что-то другое.

– Верно. Плазму оставили, а вот клетки крови не то расщепили, не то нейтрализовали подчистую. Я склонен думать, что это трансмутация.

– Необязательно. Алхимические реактивы могут давать схожий эффект. Само наличие тёмной волшбы говорит в пользу вашей версии, но не всё тут однозначно. Судя по степени помутнения роговицы и общему состоянию слизистых, дамочка мертва далеко не первый день, однако любые другие признаки разложения просто отсутствуют.

– Значит, проколы – следы инъекций? – уточнил Люциан уже с явным любопытством. – Судя по их диаметру и общему виду, это был не шприц. Разве только кулинарный.

Я снова проследила прихотливый узор цветов – на сей раз не только взглядом, но и кончиком пальца.

– Это нетрудно объяснить. Надо же было как-то ввести внутрь семена? Убийца умертвил женщину – скорее всего, отравил, и вскрытие покажет либо остановку сердца, либо паралич дыхательного центра. Потом соорудил из тела эдакий гидропон. Превратил кровь в водичку, богатую микроэлементами, и разместил семена. А дальше... да, либо волшба, либо алхимия. Скорее всего, и то и другое. Подробнее распишу, когда сяду за отчёт.

– Занятно, – протянул Люциан, не сводя взгляда с роскошных соцветий горного лавра. – Должно быть, много времени и сил пришлось потратить. Как думаешь, для чего всё это?

– До боли напоминает моего бывшего, – фыркнула я и поднялась на ноги. – Самолюбование. Показуха. Подарок, но сделанный просто ради подарка, эгоистичный и громко кричащий: «Заметьте меня, вот он я какой прекрасный!» Таков был замысел.

– Занятно, – повторил он, но теперь уже уставившись на меня. Глаза его сверкали в тени двумя inferнально-жёлтыми огоньками, ловя свет фонарей. – Я пришёл к такому же выводу.

– О подарке?

– И об этом тоже.

Люциан передёрнул плечами, двумя быстрыми движениями избавился от перчаток и подозвал Чарли.

– Маршал Данбар, закончите тут и проследите, чтобы коронеры по возможности сохранили эту... икебану в её оригинальном виде. Хочу взглянуть на свежую голову. Маршал Хаттари, вы на машине?

– Хм, не совсем.

– Идёмте, я вас подвезу. Здесь нам больше нечего делать.

Вот так вот. Подвезёт. Без всяких вопросов, чуть ли не приказ вроде того, что он отдал мудиле Барру. Я бы даже возмутилась такому тону – в конце концов, я в состоянии вызвать такси или дождаться, пока освободится Чарли!..

Нет, последнее точно нет – если проторчу на улице ещё немного, точно схвачу какую-нибудь пневмонию. И плевать, что сидхе в принципе не болеют человеческими болезнями.

– Да, сэр.

Чёрный «Гермес» встретил прохладой ещё не прогретого салона и лёгким запахом сандала. Алеку бы здесь вряд ли понравилось, с его-то острым нюхом, а вот мне вдруг стало хорошо. Что не слишком уместно, по соседству-то от цветущего сидскими цветочками труппа, но на нашей работе довольно быстро отучаешься принимать близко к сердцу всякие там художества. Ну или почти отучаешься. Ничуть не сомневаюсь, что крепкий здоровый сон мне этой ночью не грозит. Не то чтобы я любительница спать по ночам, с моей-то отнюдь не светлой сущностью.

– В Айрон? – поинтересовался Люциан, тронувшись с места. Кар мягко съехал с обочины, под мощными колесами зашуршал мелкий гравий – у нас на Западе это привычное покрытие для небольших дорог.

– Я вот даже не буду пытаться делать вид, что удивлена. В Айрон, куда ж ещё-то?

– Ну, приехала ты к нам не из дома, не так ли?

Ох, блин, нет. Рассказывать, где на самом деле шлялась, я сейчас морально не готова. Нарвусь ведь на нотацию или ещё чего похуже.

– Вы как мой начальник интересуетесь? – уточнила как могла невозмутимо. – Или как хмурый красавчик, любящий добавки в кофе считающий богохульством?

– Не любящий. Кокосовый сироп и мята вполне приемлемы, – выдал он и вдруг улыбнулся. Едва заметно, но так...

тепло, что я мигом забыла о холоде промозглой ноябрьской ночи. – Если ты знаешь приличную кофейню, работающую в это время, – могу пересмотреть свои предпочтения.

Я изумилась донельзя... Нет, не так – я натурально охренела. Не знаю, от чего больше: от того, что мой криповатый вампирский босс может быть таким *преступно* милым, или просто от того, что он не проигнорировал мою кошмарно неуклюжую попытку к нему подъехать.

О нет, Киро. Нет! Код красный, код красный! Давай, срочно переведи всё в шутку, ну или прикинься глупой пикси – дела не сделаны, мелочь не сворована, кактусы не политы... Это ж твой шеф. В которого ты и так уже наполовину влюблена, без всяких кофейных попок. К тому же он не абы кто, а сынок Асторна и настоящей чёрной ведьмы. А ещё он... ну да, слишком хорош для кого-то вроде тебя.

– У окраины Вэйда-тауна, на углу Гленд и Кинвар. Лучший кофе в городе, я гарантирую это!

Что именно я натворила, дошло не сразу. Только когда Люциан свернул на нужную улицу и чуть прибавил газу.

Он собирается выпить со мной кофе. Мой начальник, совсем недавно нарушивший закон ради меня.

Нет, не ради меня, ладно. Но могу же я немного пофантазировать? В конце концов, сидхе когда-то тоже считались детскими сказочками. Пока не стали реальностью. Жутковатой, но всё же волшебной.

Глава 4

Кровь стекала по подбородку – свежая, живая, горячая. Возвращала жизнь в мои жилы, насыщала, утоляла жажду, не знакомую ни человеку, ни оборотню. Лишь другой вампир поймёт, что я чувствую сейчас, вынимая клыки из покорно подставленной шеи своего донора – совсем молодой девчонки, очевидно, пришедшей в «Мэлоун» впервые. Новичков сразу видно: от них тянет страхом. Судя по тому, как поспешно девушка под села за мой столик, она сочла меня самым приличным вампиром из присутствующих. Тем, кто не причинит ей боли.

Поначалу они все убеждены, что им будет больно, когда острые клыки пронзят кожу. На деле же большинство из нас не любит кровь, пропитанную страхом и болью. Она горчит, точно пережаренный кофе. Нет, жертва должна быть довольна, расслаблена, должна хотеть подставить шею – иначе удовольствия от живой крови ты получишь немногим больше, чем от пакетированной.

Не то чтобы я ощутил большую разницу. Но я, по меркам моей клыкастой родни, всегда был с приветом.

Девчонка – кажется, её звали Сара – успокоилась, когда я заказал вина ей и себе, завёл ничего не значащий разговор о новом спектакле, что нынче идёт в Алькасарском театре. О новом книжном на углу Роузвуд и Лэйн, где помимо книг

можно найти довольно редкие музыкальные пластинки. Она была интересной, эта Сара, и охотно подставила шею, стоило только чуть отодвинуть воротничок её платья...

Но лучше бы я выпил кофе. На окраине Вэйда-тауна, в невзрачном с виду кафе, пропахшем деревом, кофейными зернами, свежеиспечёнными булочками. В компании совсем не донора, а охотницы. Своей подчинённой, удивительно много знающей о сидхе, о магии, о самой разной нечисти, живущей на Западе. С Киро Хаттари, которая вряд ли подпустит меня к своей шее в обозримом столетии, но чья кровь привлекает куда больше, чем кровь Сары.

Потому что она почти наверняка другая. Потому что она принадлежит сидхе, а с ними у нас всегда были особые отношения. Наш род, в конце концов, пошёл от стригоев – фейри-кровопийц, нелюбимых собратьями и оттого слишком сблизившихся с людьми. А значит, мы все – потомки сидхе. «Надоедливые младшие братья», как непременно уточнила бы Киро. С едким сарказмом, что появляется в её тоне всякий раз, как речь заходит о дивном народе.

Так или иначе, они создали вампиров. Вернее, прокляли чем-то забористым, пытаясь извести буйно расплодившихся полукровок. Но по ходу что-то напутали – или, если верить Киро, просто недооценили Железный закон, – и клыкастые байстрики не вымерли, а мутировали. Обернулись новой паразитической расой, ныне известной как вампиры первой волны. Да, те сказочные страшилы, которые наводи-

ли ужас на простой люд, боялись солнечного света и не терпели ни светлой магии, ни серебра.

Нынешние кровососы – да, даже мои донельзя заносчивые родственнички, – уже относятся ко второй волне. Более человечные, более слабые. Однако и в крови нынешние вампиры нуждаются меньше, и слабостям своих жутких предков не так подвержены.

Третья волна зародилась, когда люди перестали быть для вампиров просто едой. Сюда относят и полукровок, как я, и личей, как моя мать – ведьма, обращённая в вампира. Одни вопят, что мы выродки и несём гибель всему славному кровососуемому племени, другие – что мы ещё нагнём всех, включая наших дивных предков из Сида. Как оно на самом деле? Да Тьма его знает, поглядим лет через триста.

– Спасибо за вечер, – поблагодарил я девушку, бросил на стол несколько купюр – куда больше, чем стоили два бокала вина. Хотел заплатить и ей, как это принято делать в столице, но она лишь улыбнулась и покачала головой.

Одного укуса достаточно, чтобы человек никогда не отказался от этого. Не знаю, что люди в этом находят – точнее, знаю, но вряд ли когда-нибудь пойму, – однако в том, что вампирские притоны Сара будет посещать и впредь, я не сомневаюсь. Возможно, станет искать новой встречи со мной, но лучше бы ей вовсе забыть обо мне к завтрашнему вечеру.

– Уже уходите, ваше высочество? Или называть вас «главный ликвидатор»?

Я обернулся, смерил холодным взглядом окликнувшего меня типа. Вампира. Относительно молодого, нахального и выглядящего ну просто как ходячее клише. В тех нелепых молодёжных сериальчиках, что нынче крутят по визору день и ночь, все вампиры моложе сотни лет непременно расхаживают в плащах с заклёпками, подводят глаза чёрным карандашом и красят волосы в жуткие цвета.

Ну ладно, безвкусный кожаный плащ выглядит не так нелепо, как бархатный сюртук в лучших традициях позапрошлого столетия... Вот уж пятьдесят лет как я не живу среди своих вампирских родичей, а воспоминания о костюмах дядюшек всё ещё вызывают смех. Нервный.

– Последнее предпочтительнее, – сухо сообщил я этому... Даре. Кажется, так зовут пёстроного клоуна, подвизающегося владельцем заведения. – Не припоминаю за собой тяги к сомнительным ювелирным украшениям.

– Но вы Асторн! Для всех вампиров Запада вы, Асторны, всё равно что короли. Даже больше – людские-то монархи давно повымерли...

– Туда и дорога. Прошу прощения, у меня нет времени вести праздные беседы.

...с кем-то вроде тебя. Но озвучивать не стал, предпочёл просто обойти Дару и направиться к выходу. Мне неинтересны вампирские тусовки и их загоны. Видит Тьма, хватило моих вампиров-охотников, сразу же после официального знакомства принявшихся именовать меня «мастером». Бесе-

ду я провёл и ролевые игрища пресёк, но передёргивает до сих пор. Не зря вампиры считаются самыми трудновоспитуемыми тварями в подлунном мире.

– Надеюсь, вы станете нашим постоянным клиентом, – до-неслось мне вдогонку.

Однако же я без всякой телепатии знаю, что он на самом деле думает и чего хочет.

Меня. К счастью, не в прямом смысле, но и переносный не слишком хорош. С Асторном, пусть и носящим фамилию Вернер, можно провернуть много разных делишек. Попытаться разузнать что-нибудь о самой влиятельной вампирской семье Алькасара (вот уж вряд ли), или вынюхать что-то интересное обо мне и продать информацию упомянутой семейке (тоже вряд ли).

– Не стану.

От «Мэлоуна» я отъехал, когда утро уже понемногу вступало в свои права. Горизонт светлел, тёмный свинец ночного неба выцветал до белёсой серости. Ледяная плёнка, затянувшая лужи под ногами, начала подтаивать. В ноябре, насквозь промозглом и бесцветном, температура редко опускается ниже плюс пяти по Андресу. Погода на Западе и без всяких морозов то ещё испытание, особенно для тех, кто не любит влажность, дожди и короткий световой день. Зато вампирам раздолье, как и прочим тёмным тварям, коих тут в достатке. Своих и пришлых.

Чужое присутствие я ощутил, едва войдя в дом. Тьма.

Прорва магии, пропитавшей стены, двери, окна и даже пресловутые занавески. Сандал и орхидея. Светлые волосы, умопомрачительные каблуки и строгий взгляд зелёных глаз.

– Мама.

– Люк.

Она развернулась ко мне, отложила пакет с кровью, очевидно, позаимствованный в моем холодильнике, и приглашающе развела руки.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался я, обняв её и клюнув в щеку. – Я думал, ты ненавидишь Запад. Как там было? «Ноги моей не будет в этой сраной дыре, покрытой камышами и лягушками»?

– Не задавай глупых вопросов. Не могла же я оставить дом своего мальчика без защиты? – пожурела мама. И, сморщив чуть курносый нос, добавила: – А ещё я поссорилась с твоим папой. Видит Мать Тьма, выбор был небогат – либо я сматываюсь на грёбаный Запад хотя бы на денёк, либо сбрасываю труп этой скотины в океан.

– Что на этот раз сделал папа? – силясь сдержать смехок, поинтересовался я. Ссоры родителей частенько перерастают в обещания скорого развода, но на том и заканчиваются. Да что там – они помирились даже после того, как разбежались на целый год.

– Пришёл домой, вонял чужими духами. Нет, я-то знаю, что у него яиц не хватит мне изменить, но провести беседу с этой, мать его, творческой личностью была обязана. Для

профилактики. Ну а дальше сам знаешь – слово за слово, тарелкой по столу, в итоге я – тиран и деспот, а он – бедная ущемлённая ромашечка, в которой я убиваю тягу к романтике.

– Романтика в виде чужих духов?

– О, он якобы выбирал их мне со своей организаторшей. Нет, Люси милая девочка, но уж слишком в восторге от этой клыкастой сволочи и готова таскаться за ним хоть всю ночь. По магазинам, барам и где он там ещё был, я не уточняла.

В общем, типичный папа. Наверняка ещё и жаловался несчастной Люси на свою трудную жизнь недооцененного гения. Врал как дышал – уж я-то знаю, насколько он талантлив и какие залы собирает. А письма от его поклонниц мама уже давно не сжигает – исправно сдаёт макулатуру килограммами, мол, хоть так попробую спасти лес, вырубленный ради этого бреда.

Как так вышло, что единственный урождённый сын Грегора Асторна, властвующего лорда одноимённой крепости, решил стать вовсе не главой славного вампирского рода, а блистательным пианистом? Поди объясни. В семье были недовольны, но до поры до времени сносили его придурь. Всё же свои дети у вампиров рождаются редко, и отношение к ним особое. Тоже до поры до времени. В нашем случае до тех пор, пока на свет не появился я – бельмо на глазу у всех Асторнов, начиная с Грегора.

– Ну да и Тьма с ним. Расскажешь, как тут устроился?

– Сначала схожу в душ, – покачал головой я. – А потом наконец спрошу, откуда ты узнала мой адрес, как вошла в дом и что с ним сделала. В подробностях, мама. Не хочу однажды заночевать на крылечке только потому, что ты была слишком усердна.

– Да за кого ты меня принимаешь? – возмутилась мама.

– За лучшую тёмную ведьму Магистерии. А ещё – за вампиру. Тяга к излишней опеке у нас передаётся с первым укусом.

Она явно хотела поспорить и высказать всё, что думает о вампирах и их придури, но сдержалась.

– И то верно. Всё, иди, я пока соображу нам завтрак.

Когда я вернулся из душа, на столе ждали паста с курицей и грибами, салат, белое вино, разлитое по бокалам. Человеческая пища приносит немало удовольствия, особенно если она приготовлена нужными руками и по правильному рецепту. Мама никогда не была таким уж прекрасным поваром, но её паста – лучшая в мире.

– Как дела на работе? – поинтересовалась мама, отпив немного вина. – Ты, надеюсь, не повторяешь свои столичные подвиги и хоть иногда берёшь выходные?

– Иногда – беру, – ответил я честно. – Например, сегодня.

– Ты же понимаешь, что наше государство не станет говорить тебе спасибо?

– Государство – нет. Но мои подчинённые скажут. Серьёзно, я понятия не имею, как это всё работало до сих пор! На-

пример, у меня в команде парочка вампиров – Эллиот и его жена Маккензи. Именуют меня мастером, чуть ли не в рот заглядывают. С трудом убедил их, что «маршала Вернера» более чем достаточно, но эти Блэки... они странные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.